ПИСЬМА М.Ф. ОРЛОВА к П. А. ВЯЗЕМСКОМУ (1819—1829)

Публикация и комментарии Л. Я. Вильде Вступительная статья М. В. Нечкиной

Эпистолярное наследие выдающегося декабриста Михаила Орлова неотъемлемо входит в состав ценнейших первоисточников декабристского движения. Широкие общественные интересы Орлова делают его письма необычайно разнообразными по темам и насыщенными большой проблематикой, — проблематикой той эпохи, когда, по словам Пестеля, «дух преобразования заставляет везде умы клокотать». Орлов был связан с передовыми деятелями того времени — с Вл. Раевским, С. Г. Волконским, П. А. Вяземским, П. Д. Киселевым. Это делает его переписку еще значительней. Тем более мешает научному исследованию несобранность его эпистолярного наследства, разбросанного по разным изданиям и архивным фондам, а подчас и вовсе утраченного. Опубликовано немного писем Орлова. В 1880 г. Павел Вяземский напечатал, по документам Остафьевского архива, письмо Орлова к отцу — П. А. Вяземскому от 9 ноября 1822 г. со строками о Пушкине ¹. Письмо Орлова в Париж к членам Комитета Общества начального образования от 11 марта 1818 г., помещенное в 1900 г. в «Отчете имп. Публичной библиотеки» за 1896 г., раскрывает отношение автора к ланкастерскому обучению. Н. П. Кашин напечатал в «Былом» письмо Орлова к Н. Б. Юсупову от 8 июля 1822 г. с предложением продать ему хрустальную фабрику 2. П. С. Попов соединил в работе под заглавием «М. Ф. Орлов и 14 декабря» многочисленные тексты из следственного дела Орлова с его письмом к Д. В. Голицыну от 22 декабря 1825 г.³ Весьма интересны опубликованные А. А. Сиверсом два письма Орлова к Д. П. Бутурлину, разоблачавшие крепостное право и крепостника-адресата. Письма эти получили широкое распространение среди современников и ходили по рукам как нелегальная агитационная литература. 4

В сущности, этим и ограничивались до последнего времени публикации эпистолярного наследия Орлова, о богатстве которого читатель мог судить также и по обширным цитатам из его неизданной переписки в работе М. О. Гершензона ⁵. Все остальное оставалось вне поля зрения исследователя. После длительного — почти тридцатилетнего — перерыва в 59-м томе «Литературного наследства» были напечатаны два письма Орлова к Вяземскому, посвященные критике «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. В настоящем томе публикуются шестнадцать писем Орлова к Вяземскому, относящихся к 1819—1829 гг.

Письма эти также являются документами большого значения. В них отразились многие явления культурной жизни эпохи, литературные споры и мнения. Здесь дается и характеристика отдельных журналов — от «Московского телеграфа» до ничтожных «Галатеи» и «Бабочки». Наиболее существенны планы Орлова и Вяземского издавать журнал. Мысль об издании журнала неразлучно сопутствовала декабристскому периоду жизни Орлова.

Особенно важно в письмах Орлова отражение декабристской идеологии их автора. Вяземский не был членом Тайного общества, и поэтому, несмотря на всю близость с ним Орлова, было бы необоснованно искать в письмах последнего прямых политических высказываний. Но конспиративная деятельность Орлова, известная из других документов, относящихся главным образом к периоду его пребывания в Петропавловской крепости, дает своеобразный ключ к идейному смыслу публикуемых писем.

Вяземский едва ли знал, что ведет споры и делится сокровенными мнениями с членом Союза Благоденствия, активным участником развертывавшейся борьбы.

Основание раннего тайного общества «Ордена русских рыцарей», созданного Орловым и М. А. Дмитриевым-Мамоновым в 1814—15 гг., хронологически предшествует переписке. Но дальние концы завязавшихся тогда отношений и последующее развитие политической проблематики, стоявшей в центре внимания Орлова, получают известное отражение в публикуемых письмах. С этого Общества, собственно, и нужно начинать комментарий писем — оно органически связано с последующей политической эволюцией декабриста Михаила Орлова.

Еще в 1814 г. Орлов — страстный русский патриот, — вернувшись из заграничных походов, «взошел в переписку» с Дмитриевым-Мамоновым на предмет организации тайного политического общества «Орден русских рыцарей». Общество должно было, правда в весьма своеобразной форме, повести борьбу с крепостничеством и абсолютизмом в России. Ранний проект Орлова и Дмитриева-Мамонова, повидимому сохранившийся под заглавием «Пункты преподаваемого во внутреннем ордене учения», относплся, очевидно, к 1814 г. и представляет собою причудливое сплетение передовых освободительных идей с феодально-аристократическими взглядами, заимствованными отчасти из английских источников ⁶. Проект этот был, так сказать, «первой пробой» политического пера Орлова, кратким увлечением,— его даже забыли уничтожить в тревожные дни обысков и арестов в декабре 1825 г. Реальная политическая действительность перечеркнула первый неудачный опыт и поставила на очередь в следующем же 1815 г. новые темы. Польский вопрос был одним из первых. Орлов, будучи близок к правительственным кругам, лучше других был осведомлен о проекте польской конституции 1815 г., «дарованной» Александром I Польше с высоты престола, в то время как Россия оставалась без конституции; слухи о дальнейшем присоединении к Царству Польскому исконных земель древней Руси — белорусских, литовских и украинских территорий не могли не волновать Орлова. Сторонник значительных социальных преобразований, единых как для всей России, так и для Польши, нужных и той и другой, Орлов был последовательным противником политической самостоятельности Польши. Он полагал, что Польша должна существовать как единое целое с обновленной Россией. Нельзя не усматривать в этом черту его дворянской ограниченности, но в то же время нельзя смешивать его точку зрения с позицией реакционных шовинистических кругов. Царский проект под личиной фиктивной «самостоятельности», подкрепляемой как аристократической конституцией, так и обещаниями вернуть прежние территории, стремился укрепить в Польше старый сословно-феодальный строй, крепостническое угнетение и господство аристократии. Противник крепостного права и абсолютизма, Орлов в равной мере хотел крушения феодального строя как для России, так и для Польши. Протест против демагогических проектов царизма содействовал радикализации программы Орлова — Мамонова. Новый их проект возник как ответ на события 1815 г. Перед нами уже республиканская программа с двухпалатным парламентом под названием «Народная веча»; вече делится на палату «наследственных вельмож» и «палату мещан». Наследственность представительства вельмож и «неприкосновенность» их уделов свидетельствуют о серьезных аристократических пережитках программы. Но с верхушки общественной пирамиды в этой программе уже **св**ергнуто самодержавие: «тираноубийство», повидимому, рассматривается как путь к лостижению поставленной цели. Верный друг Орлова Денис Давыдов, посвященный в существо его замыслов, недаром писал Киселеву об Орлове: «Как он ни дюж, а ни ему, ни бешеному Мамонову не стряхнуть абсолютизма в России» 7.

Можно определенно сказать, что Орлов не остановился на этом этапе, а со свойственной ему стремительностью продолжал двигаться дальше, преодолевая свои арпстократические предрассудки. Вместе с тем он старался завербовать сторонников и создать настоящее тайное общество. Известно о прикосновенности к его замыслам

Николая Тургенева. Имеются основания предполагать, что и М. Н. Новиков, племянник известного просветителя, повидимому, вступил в Общество Орлова и начал работу над проектом республиканской конституции. В феврале 1817 г., в поисках новых членов организации, Орлов открылся молодому подполковнику Гвардейского генерального штаба Александру Муравьеву и узнал, что существует другое тайное общество, также поставившее своей целью преобразование России. Это Общество было недавно организовавшимся Союзом Спасения— самой ранней организацией декабристов. «Не присоединясь к ним, я с ними сблизился»,— показывал Орлов. Оба общества, однако, не слились. «Переговоры сии кончились тем, что они обещались не препятствовать один другому, идя к одной цели, и оказывать себе взаимные пособия»,— показывал Никита Муравьев 8.

Так возникла полная осведомленность Орлова о делах Союза Спасения. Связь, очевидно, продолжалась и в последующие годы. Орлов был знаком с уставом Союза Благоденствия — «Зеленой книгой», написанным в 1818 г. Сам Орлов относит свое вступление в Союз Благоденствия к 1820 г. Как ни был скрытен он в своей «Записке» императору, написанной в стенах тюрьмы, ему пришлось признаться, что в июле или августе 1820 г., когда он, будучи назначен начальником 16-й пехотной дивизии, проезжал через Тульчин, на него «обрушились» Пестель, Фонвизин и Юшневский и стали доказывать, что если он знает «все их тайны», то «не великодушно мне самому оставаться вне опасности. Я поддался этому доводу» 9. Таким образом, вступление Орлова в Союз Благоденствия — несомненный, признанный им самим факт. Последующее приглашение его на съезд Союза Благоденствия от Кишиневской управы, приглашение, им принятое, — доказательство как его причастности к организации, так и того, что он возглавлял Кишиневскую управу. По свидетельству же Никиты Муравьева, он вступил в Союз Благоденствия в 1818 г. вслед за Николаем Тургеневым, — это показание, на мой взгляд, вполне соответствует действительности.

Публикуемая серия начинается письмами, относящимися ко времени пребывания Михаила Орлова в Союзе Благоденствия.

Письма эти пронизаны духом свободолюбия; в Орлове все более зреет протест против политики «двуличного Януса» (выражение Вяземского) — Александра I. Орлов -- страстный сторонник представительного правления («В кого влюблен? В представительное правление, во все благородные мысли, во всех благородных людей, в числе коих и тебя помещаю» — письмо от 28 февраля 1820 г.). «Живет» он «с Бенжаменом Констаном, с Бентамом и прочими писателями сего рода» (там же). Находящийся в Варшаве Вяземский для Орлова обитает «на краю рабства» и может, «так сказать. отворив окошко... набираться вольным и свежим воздухом» (письмо от 23 июня 1820 г.). Тревожные вопросы: «Надеются ли (поляки) на присоединение наших провинций? На чем надежда сия основана?» (письмо от 28 февраля 1820 г.) -- вновь уводят нас к прежней концепции Орлова, противника присоединения к Польше российских земель. Эта концепция — политическая установка большой группы декабристов, представителей Северного общества. Вопрос этот остался до конца спорным в декабристской среде, он горячо обсуждался и в исходе деятельности Союза Спасения и накануне восстания 14 декабря. Последним решением декабристов была передача вопроса о Польше на усмотрение Великого собора или Учредительного собрания, на которое предполагался вызов польских представителей.

Политическая жизнь Польши стоит в центре внимания Орлова, он жаждет вникнуть в характер ее конституционной практики, хочет живого общения между русским и польским народами. Примечательны его слова о дружбе народов в ходе рассуждения о необходимости издавать в Варшаве журнал, отражающий политическую и культурьую жизнь Польши («короткое знакомство есть основание дружбы между людьми как между народами» — письмо от 22 марта 1820 г.). Жажда кипучей деятельности отличает Орлова, и деятельность эта в интересующие нас годы — пропагандистская. Сформпровать передовое общественное мнение — вот цель Орлова. Он отчетливо сознает деление общества на два лагеря — на передовой лагерь друзей свободы, «влюбленных» в представительное правление, и лагерь реакционеров, «гасителей» — врагов света и свободной жизни. В этом отношении, до политической терминологии включительно

Орлов при всем своем своеобразии — типичный декабрист. Борьба с «гасителями» была лозунгом передовой декабристской молодежи. Свидетельство Орлова, что известное его выступление в Киевском библейском обществе имело именно эту цель, поистине замечательно. Он смело выбрал неожиданную для друзей свободы трибуну и возвестил свои лозунги в страстной речи против «гасителей» 10. Посылая другу эту речь (которую ему так и не удалось самому опубликовать, ибо, как он сам сознает, его речь «в типографическую службу принятой быть не может»), Орлов пишет: «Есть части изрядные, кои писаны были мною соп атоге *. Ты легко отгадаеть по сему, что я говорю о картине наших гасителей и противников просвещения. Хотя сия часть слишком длинна в сравнении с прочими, но я для нее сочинил всю речь...» (письмо от 22 августа 1819 г.).

Овладеть трибуной печатного слова — главная мысль Орлова. Он понимает всю невозможность издания «свободомыслящего вестника» в Киеве, но думает, что может быть Вяземскому, занимающему важный пост в Варшаве, удастся это в условиях Польши. «Там хотя не существует еще вольное книгопечатание, но, по крайней мере, оное торжественно обещано». Вопрос о политическом журнале живо занимает Орлова. Он намечает в письмах контуры его довольно широкой и конкретной программы, предполагая напечатать перевод польской конституции, опубликовать «все без изъятия» депутатские прения в польской «каморе», помещать статьи о польской словесности и европейские новости (письма от 28 февраля и 22 марта 1820 г.). Свобода печати — его страстное желание, цензура ненавистна ему — публикуемые письма содержат яростные выпады против цензоров.

Но чем дальше читаем мы письма Орлова, тем острее ощущаем, что автор их все более теряет надежду на успех своих планов, все отчетливее убеждается, что надежда на общественную деятельность в царской России иллюзорна, а упования на «общественное мнение» лишены почвы. Надо действовать иначе. Если уже во втором из публикуемых писем Орлов жалуется на «бесполезную и томительную деятельность» и скорбит, что любимое его «дитя» — надежда, рождаемая всеми его политическими преобразовательными замыслами, — «к несчастию, час от часу чахнет», — то дальше этот мотив звучит все сильнее: «...когда благодать низойдет на нас? Когда слеза рабства иссохнет на ланитах, украшенных улыбкою вольности? Неужели не доживу до сего благословенного мгновения?..».Присущая ему жажда действия нарастает. Но как действовать, если «нет связи, нет цели, нет узла, словом, нет ничего?» (письмо от 15 июня 1820 г.).

Мысль о революционной организации, о революции и о своем в ней участии не покидала Орлова. Как дворянский революционер, он боялся самостоятельности народных масс. Но он считал себя и подобных себе свободолюбцев способными руководить революционными действиями. Он напряженно ждал решающей минуты и готов был привять в событиях самое активное участие, с наивной восторженностью веря, что «найдись у нас десять человек истинно благомыслящих и вместе даровитых, все приняло бы другой вид» ¹¹. В 1819 г. Орлов писал А. Н. Раевскому: «Пусть иные возвышаются путем интриг, в конце концов они падут при всеобщем крушении и потом уже не поднямутся, потому что тогда будут нужны чистые люди. Я понимаю, что мои слова несколько загадочны, но их смысл мне вполне ясен, и, может быть, когда-нибудь и вы признаете правильной мою точку зрения и всю мою систему. Может быть также я тувижу даже зари того прекрасного дня, о котором мечтаю, но от того моя система станет менее верной для тех, кто переживет меня» ¹².

Эти настроения Орлова усилились в 1820 г., и встреча его в Тульчине с Пестелем, Семени, Фонвизиным, конечно, была преднамеренной. Трудно было в двадцатых горх полям типа Орлова оставаться в стороне от событий. В России восставали военнее воселения, волновался Дон, шло брожение в гвардейских полках. На Западе проселения открытые революционные выступления. Испанская революция, начавшаяся в яньаре 1820 г., торжествовала победу. Орлов был членом Союза Благоденствия в мо-

^{*} с любовью (итал.).

мент его крупного поворота к новым программным и тактическим решениям. На петербургском совещании 1820 г. руководители Союза Благоденствия по докладу Пестеля единодушно голосовали за республику. Оформлялась тактика военного удара по самодержавию, обсуждалось участие в выступлении войск, ставился вопрос о цареубийстве. Орлов действовал, собственно, уже не в Союзе Благоденствия, как таковом,— «Зеленая книга» в тот момент уже пережила себя,— он был участником преобразования нарождающейся новой организации, принимавшей республиканскую программу и тактику военного переворота. Если бы Орлов общался с второстепенными членами, можно было бы задать вопрос, знал ли он обо всех этих переломных событиях в жизни Общества. Но он был связан с южанами и с Пестелем, — человеком, не только знавшим больше других, но явившимся той активной силой, которая повернула Общество на новый путь. Орлов связался с южным филиалом Союза Благоденствия и уехал из Тульчина в Кишинев, получив имена членов, находившихся в Кишиневе. Письмо к Вяземскому от 15 октября 1820 г. написано всего через полторадва месяца после этого тульчинского свидания. Член Союза Благоденствия, переходившего к новой программе и тактике, он ехал в Кишинев принимать 16-ю дивизию. Поскольку Общество готовилось к военному выступлению с участием в нем восставшей армии, надо думать, что новый командир принимал дивизию со сложным чувством — едва ли он уже тогда не предполагал возможность ее революционного использования.

В письме к Вяземскому от 15 октября 1820 г. он с сарказмом отмечает бессодержательность речи министра Мостовского польским депутатам в Варшаве. Как и следовало ожидать, Орлов и на этом новом этапе развития своей идеологии остается сторонником конституционного строя: «Я в первый раз читал речь депутатам нации, в которой говорят о частной выправке солдат, о рекрутской школе и о палатках, в которой министр возвещает народу, что он пользуется всеми правами конституции, то, что не время вводить ни вольного книгопечатания, ни суда присяжных, ни даже рассуждения о бюджете. Вот, однако же, весь смысл сей речи, в которой, впрочем, много есть блестящих выражений и французского мишурного витийства»

Краткое письмо из Москвы от января 1821 г., несомненно, связано с Московским съездом Союза Благоденствия. Орлов приехал в Москву для участия в съезде. Остановился он у Вяземских. Как известно, его выступление на съезде произвело огромное внечатление и радикальность его предложений вызвала разноречивые толки, позже откликнувшиеся в ожесточенной полемике потомков ¹³. Мне представляется, что С. Н. Чернов правильно выяснил существо столкновения и подтвердил характер предложений Орлова ¹⁴.

Грибовского — документ вполне достоверный — передает Записка жание выступления Орлова на Московском съезде 1821 г. следующим образом: во-первых, Орлов ручался «за свою дивизию», — ясно, что речь шла о ее роли в предстоящем военном революционном выступлении; при этом — как в трудных случаях на войне — он требовал «полномочия действовать по своему усмотрению»; во-вторых, Орлов настаивал на организации нового тайного общества под названием «Невидимые братья», которое руководило бы революционной борьбой 15. Из глухих намеков, переданных доносчиком в ироническом тоне, можно усмотреть, что Орлов думал не только об объединенном руководстве движением внутри России, но и о какой-то координации его с разгоравшимся час от часу западноевропейским движением, по крайней мере, Грибовский упоминал о греческом народе. Напомним, что возглавивший греческое восстание Александр Ипсиланти был в Кишиневе завсегдатаем дома Орлова. «Перед своим великим и неудачным предприятием нередко посещал сей дом с другими соумышленниками русский генерал князь Александр Ипсиланти»,— свидетельствует Φ . Φ . Вигель ¹⁶. В доме, где свободолюбцы «с жаром витийствовали», многое могло быть известно. 6 марта 1821 г. Ипсиланти со своими сторонниками уже перещел Прут (границу России) и возглавил начавшееся еще до этого греческое восстание. За месяц с лишним до этого события Орлов, знавший Ипсиланти, говорил о готовящемся восстании греков. Едва ли поэтому случайна ссылка на необходимость

связи русского движения с греческим в речи Орлова на Московском съезде 1821 г. Можно догадываться, что Орлов что-то сказал в своей речи и о материальной базе движения, поскольку он говорил о денежных взносах участников Общества в единый центр (отрасли Общества по «народам», «как бы лучи сходились к центру и приносили дани неведомо кому», — иронизировал Грибовский). Далее Орлов говорил о необходимости «в лесах» завести тайные типографии— «или литографию», добавляет И. Д. Якушкин в своих «Записках», — там «можно было бы печатать разные статьи против правительства и потом в большом количестве рассылать по всей России» 17. Особенно изумило участников Московского съезда, умеренных членов Союза Благоденствия. предложение Орлова печатать также поддельные царские ассигнации, чтобы приобрести средства для выступления и вместе с тем подорвать кредит правительства. Предложения Орлова надо понять в их совокупности: все они были связаны с центральным замыслом — немедленным военным выступлением. Якушкин — участник съезда. державшийся тогда умеренных политических позиций, даже предположил, что Орлов в связи с предстоящей женитьбой на Екатерине Раевской решил порвать с Обществом и поэтому внес столь необычные предложения.

Ho, зная характер Орлова, никак нельзя даже на минуту предположить чтолибо подобное.

Все эти факты в какой-то мере могут служить комментарием к словам Орлова в январском письме к Вяземскому: «На крае света занят теми же мыслями и томлюсь тою же грустию, как и в самом отечестве».

Предложения Орлова не были приняты Московским съездом, и он уезжал, остро ощущая разрыв с тем течением, которое возглавило съезд и ликвидировало Союз, чтобы под прикрытием ликвидации создать новую организацию. Но Южное общество с Пестелем во главе, как известно, не признало постановлений Московского съезда о ликвидации Союза и решило «общество продолжать». Поскольку Кишиневская управа Союза Благоденствия была с самого начала частью южной организации и связана с Тульчиным, а Пестель после основания Южного общества ездил в Кишинев (он был там в апреле и мае 1821 г., то есть через месяц после основания Южного общества), нет сомнений в том, что он там виделся с Орловым, с которым только что договаривался в Тульчине, и говорил на интересующие обоих темы. Деятельность Кишиневской управы после Московского съезда и основания Южного общества была весьма интенсивной.

Арест В. Ф. Раевского в феврале 1822 г. и северными и особенно южными декабристами воспринимался как арест члена своей организации. Связь Раевского и К. А. Охотникова с Орловым не вызывает сомнений. Поэтому деятельность Кишиневской управы — доказательство того, что, порвав с Московским съездом, Орлов не порвал с Тайным обществом. Два его радикальных приказа по 16-й дивизии относятся ко времени после разрыва с Московским съездом, — один из них (от 29 марта 1821 г.) публикуется выше. Эти приказы и новонайденные письма к Вяземскому, по датам относящиеся ко времени после Московского съезда, служат сильнейшим доказательством того, что Орлов ни в малейшей мере не отказался после выступления на съезде от своих убеждений. Этот ложный слух об Орлове, когда-то распространявшийся его политическими противниками в разгар острой борьбы и подхваченный доносчиком Грибовским, должен быть полностью отвергнут. Его опровергают приказы Орлова, деятельность Кишиневской управы после съезда, слова Раевского (который из темнипы просил передать Орлову, что он никого не выдал и «нигде себе не изменил»), благородное поведение Орлова во время восстания Камчатского полка. Замечательно рассуждение Орлова в публикуемом ниже письме к Вяземскому от 9 сентября 1821 г. по поводу отставки последнего: «Или ты был полезен или нет. В первом случае должно было остаться и продолжать быть полезным, или изыскать новое средство подвизаться на новую пользу». Яркая тирада Орлова о цензуре свидетельствует, что он попрежнему, если не еще больше, ненавистник «гасителей» — в письме от 25 ноября 1821 г. он заявляет: «Донесения частных и подлых шпионов всегда более или менее позлашены клеветою. Их выгода явственна. От них требуются известия, и они места свои потеряли бы, ежели б не доставляли каких-нибудь донесений (...) Мои письма подлежат, вероятно, также их критике. Кто из них довольно чист душою. чтоб видеть во мне гражданина, а не вздорного болтуна? Они сами так подлы и так привыкли к подлостям всякого рода, что все деяния, все слова, все мысли, кои не походят на их дела, на их клеветы, на их соображения, должны казаться им буйственными. Ежели им угодно, пусть прочитают сие письмо. Оно послужит им, может быть, уроком, ежели какие-нибудь уроки могут действовать на их сердце и ум».

21 декабря в 7 часов вечера Орлов был арестован в своем московском доме. Из «уважения» к заслугам его брата Алексея Орлова, одного из палачей декабристов. Николай I «помиловал» Михаила Орлова, исключив его со службы и сослав в его деревню на безвыездное житье под «бдительный тайный надзор» местного начальства (в 1831 г. ему было разрешено переехать в Москву). Его письмо от 20 июня 1826 г. написано в Москве, где Орлов останавливался проездом из Петропавловской крепости (в сопровождении фельдъегеря Белоусова) в калужскую деревню Милятино, место его ссылки. Хотя в последующих письмах (мы имеем в виду последние пять писем, завершающих настоящую публикацию) обличительный тон резко меняется, письма эти все же представляют интерес для историка русской культуры. Любонытен острый, хотя в основном все же сочувственный отзыв о «Московском телеграфе». Критикуя его слабые стороны, Орлов опять высказывает попутно свои давние чаяния видеть «хоть один порядочный журнал в отечестве». Живой интерес к русской литературе остается стойкой чертой Орлова — ему хочется в феврале 1828 г. «снова начать <...> переписку, попрежнему и судить и рядить литературные дела...». В последнем из публикуемых писем он выражает желание встретиться с Вяземским, хотя бы на несколько часов, побеседовать с другом и «показать ему, что гонения судьбы не выбили ни мыслей из головы, ниже чувств из сердца». Но говорить в письмах откровенно нельзя: «По неверности сообщений я на одно из твоих писем не отвечал. Что сказать? Когда я не знаю, чем это все кончилось? Да и как говорить за тридевять земель? Когда увидимся, то язык мой развяжется, и ты услышишь все, что я думаю и чувствую».

примечания

1 П. П. Вяземский. А. С. Пушкин. 1816—1825 по документам Остафьевского архива.— «Берег», 1880, № 74 от 6 июня; отд. оттиск: СПб., 1880, стр. 53—55.

«Былое», 1925, № 5, стр. 45—46.
 П. С. Попов. М. Ф. Орлов и 14 декабря.— «Красный архив», 1925, № 6,

стр. 151—155.

4 А. А. Сиверс. Два письма М. Ф. Орлова к Д. П. Бутурлину. — «Декабристы и их время», І, стр. 199—205.

5 М. О. Гершензон. История молодой России. М.— Пг., 1923, стр. 9—78. ⁶ Проект не вполне точно опубликован А. К. Бороздиным под заглавием «Краткий опыт» в издании: «Из писем и показаний декабристов». СПб., 1906,

стр. 148—153.

⁷ М. О. Гершензон. Указ. соч., стр. 15.

⁸ ВД, т. І, стр. 306; т. ІІІ, стр. 12, 16; «Красный архив», 1925, № 6, стр. 160 («Записка М. Орлова о тайном обществе»). Существенное значение имеет свидетель— («Записка М. Орлова о тайном обществе»). Существенное значение имеет свидетельство хорошо осведомленного Никиты Муравьева о времени вступления в Тайное общество Михаила Орлова. Рассказав об основании Союза Благоденствия в Москве в 1818 г., Муравьев добавляет: «Члены, оставшиеся в П\(\)етер\(\)б\(\)урге\), вступили также в Союз Благоденствия. Между тем г. Орлов не успел в своем намерении составить Общество. Представитель его в П\(\)етер\(\))б\(\)урге\) Николай Тургенев вступил в С\(\)оюз\(\) Бл\(\)агоденствия\(\)) и он сам последовал сему примеру в Москве, где принял его Александр Муравьев, вышедший в отставку и поселившийся там\(\) (ВД, т. I, стр. 307). В этом свидетельстве вступление в Союз Благоденствия Николая Тургенева и Орлова поставлено в прямую связь. Александр Муравьев вышел в отставку в октябре 1818 г., а в сентябре уже уехал из Москвы (ВД, т. III, стр. 17, 18), следовательно, принятие Орлова в Союз Благоденствия могло произойти не позже этого времени. мени.

«Красный архив», 1925, № 6, стр. 161.

10 «Во всяком времени, во всякой земле,— говорил Орлов в своей речи,— родится несколько людей, образованных как бы нарочно природою, чтоб быть противниками всего изящного и защитниками невежества (...) Любители не древности, но старины, не добродетелей, но только обычаев отцов наших, хулители всех новых изобретений, враги света и стражи тьмы, они суть настоящие отрасли варварства средних веков (...) они стязают для себя все дары небесные, все сокровища земные, все превосходство и нравственное и естественное, а народу предоставляют умышленно одни труды и нетерпение; от сих правил родились все уничтожительные системы правления для рода человеческого, системы, коих начало должно искать не только в честолюбии законных преемников власти, сколь в пагубных изобретениях ласкателей земных владык и друзей невежества» («Сборник Русского исторического общества», т. 78. СПб., 1891, стр. 523—524).

11 Письмо Орлова к А. Н. Раевскому (1819 г.)— цитировано М. О. Гершензоном

«Истории молодой России». М.— Пг., 1923, стр. 17. ¹² Там же, стр. 17.

13 Н. М. Орлов. Михаил Федорович Орлов.— «Русская старина», 1872, № 5, стр. 775—781 (спор с «Записками» И. Д. Якушкина); Е. И. Як у шкин. Съезд членов «Союза Благоденствия» в Москве 1821 г. (Ответ Н. М. Орлову).— «Русская старина», 1872, № 11, стр. 597—602 (сын И. Д. Якушкина отстанвает правильность сведений, сообщенных в «Записках» отца); Н. М. Орлов. Съезд членов «Союза Благоденствия». 1821 г.— «Русская старина», 1873, № 3, стр. 371—375.

14 С. Н. Ч е р н о в. К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 года.— «Ученые записки Саратовского гос. университета», 1925, т. IV,

стр. 103—139.

15 Записка М. К. Грибовского, ранее известная по копиям, впервые полностью опубликована по подлиннику Ю. Г. Оксманом в изд. «Декабристы», 1926, стр. 109— 116 («Записка о Союзе Благоденствия, представленная ген. А. Х. Бенкендорфом Александру I в мае 1821 года»).

¹⁶ Ф. Ф. Вигель. Записки, т. И. М., 1928, стр. 212. ¹⁷ Якушкин, стр. 43.

ОТ РЕДАКЦИИ

Публикуемые 16 писем М. Ф. Орлова находятся в ЦГЛА, в Остафьевском архиве Вяземских (фонд № 195). Четыре письма (от 22 августа 1819 г., 22 марта 1820 г., 9 сентября 1821 г. и 20 июня 1826 г.) вклеены П.П.Вяземским в составленный им альбом автографов, т. II (ед. хр. 5083, лл. 61—73), остальные письма хранятся в отдельной папке (ед. хр. 2480).

Два письма из этой связки — от 4 мая и 4 июля 1818 г., — заключающих в себе критику Орловым «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, опубликованы Л. Я. Вильде в «Лит. наследстве», т. 59, 1954, стр. 565—567.

Кроме публикуемых нами писем, в Остафьевском архиве хранятся еще 15 писем и записок Орлова к Вяземскому, имеющих узко биографический характер. Одно из них (от 28 февраля 1821 г.) посвящено его женитьбе на Е. Н. Раевской, другие — просьбе чюмочь грску Спартамо и оказать содействие певице Каталани 2-й (два письма без даты периода 1822—1825 гг.), просьбе помочь А. Л. Давыдову устроить его сына в какое-нибудь учебное заведение в Москве (от 1 февраля 1825 г.), просьбе прислать книги в Милятино (от 28 ноября 1826 г.) и семейным делам Орловых и Вяземских (от 23 июля 1822 г., 26 июля, 13 августа 1823 г., 24 октября 1826 г., 23 февраля 1831 г., 12 октября 1835 г., 10 сентября 1837 г. и три записки без даты).

Восемь писем Орлова (1832—1834 гг.) посвящены истории печатания его книги «О государственном кредите», вышедшей в 1833 г. в Москве. Письма эти имеют узко специальный, экономический характер. Они готовятся к печати Л. Я. Вильде при участии С. Я. Борового в «Записках Отдела рукописей» Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 17 («Новые материалы о книге декабриста М. Ф. Орлова _О государственном кредите"»).

В том же фонде находятся восемь писем Орлова к Вере Федоровне Вяземской конца 1820 — начала 1830-х гг. (ед. хр. 3402). Из них мы публикуем наиболее интересные строки в примечаниях к письмам Орлова к Вяземскому от 26 января 1827 г. (№ 12) и от 18 февраля 1828 г. (№ 14).

⟨Киев. 22 августа 1819 г.⟩

Любезный Асмодей¹, давно к тебе я не писал — время летнее полно для нас хлопот. Теперь, слава богу, все кончилось или скоро кончится, а у вас скоро начнется². Желал бы я побывать в Варшаве и посмотреть на наших приёмышных братьев, как они управляют колесницей представительства. Это дело трудное — ежели запряжена волами, то все кнут нужен; ежели помчится слишком быстро, то может повалиться и весь народ за собой стащить в пропасть. Отпиши, пожалуй, мысли твои на ход дела и что будет интересного, то дай знать. Я все тот же: изнемогаю от отечественной горячки. Неужели не благословит бог увидеть когда-нибудь счастие России? Soleil de ma vie, qui fuit si rapidement et qui est prêt à m'abandonner, puisse-tu du moins de tes derniers rayons éclairer le bonheur de ma patrie!* Так говорил некто, коего имя позабыл, но коего слова, столь сходствующие с мыслями моими, глубоко врезались в мое сердце³.

Посылаю к тебе речь мою в Киевском Библейском обществе ⁴. Есть части изрядные, кои писаны были мною con amore**. Ты легко отгадаешь по сему, что я говорю о картине наших гасителей и противников просвещения. Хотя сия часть слишком длинна в сравнении с прочими, но я для нее сочинил всю речь и, следственно, чувствуя погрешность, не хотел переменить. Сделай одолжение, ежели найдешь какой-нибудь галлицизм или много галлицизмов, то уведомь меня. Прийму с благодар-

ностью и на другой раз остерегусь.

Денис наш женат и я его женатого уже видел и смеялся над ним⁵. Что ему вздумалось распложать свою татарскую рожу? Но он счастлив. Лю-

бит и любим. Чего же больше?

Я скоро отправляюсь в Крым. Хочется посмотреть полуденный сей край. Хочется полюбоваться на виды и посмотреть на миндали и виноград, не странно ли им расти в России. Оттуда отправлюсь в Одессу, а потом возвращусь в Киев и поеду в ноябре в Москву. Неужели не придется нам с тобой там встретиться? Хорошо бы было. Но можно ли? Питаю надежду. Постарайся, мой друг, приехать к нам. Ежели же поедешь чрез Киев, то уведомь меня. Останусь до твоего приезда и вместе пустимся в путь.

Варенья тебе не послал прошлого года, ибо от ненастья было весьма мало фруктов, а старого варенья посылать не хотел. Нынче, надеюсь,

буду счастливее. — Прощай. Люби меня и пиши.

Михаил Рейн⁶

Сего 22-го августа 1819. гор. Киев.

Кланяйся киягине Асмодеевне и поцелуй всех асмодеющек твоих 7.

¹ Асмодей — арзамасское прозвище Вяземского.

³ Источник цитаты не установлен.

² Под словами: «... все кончилось или скоро кончится, а у вас скоро начнется»— Орлов, вероятно, имеет в виду летние военные маневры в Киеве и польские политические дела.

⁴ Речь Орлова была произнесена на торжественном заседании Киевского отделения Библейского общества 11 августа 1819 г. Трибуну этого реакционного Общества Орлов использовал для пропаганды идей в духе Союза Благоденствия, в частности для пропаганды взаимного обучения. Речь его распространилась по России в многочисленных списках (напечатана в «Сборнике Русского исторического общества», т. 78. СПб. 1891, стр. 519—528).

^{*} Солнце моей жизни, движущееся столь быстро и готовое уже покинуть меня, о, если бы ты могло своими последними лучами озарить счастье моей родины (франц.).

** с любовью (итал.).

Вяземский восторженно откликнулся на речь Орлова в письме к А. И. Тургеневу от 29 августа 1819 г. («Ост. архив», т. І, стр. 299—300).

5 Д. В. Давыдов (1784—1839)— поэт, близкий друг Орлова, в это время—начальник штаба 7-го пехотного корпуса в Херсоне; женился весной 1819 г. на С. Н. Чирковой.

^в Рейн — арзамасское прозвище Орлова.

⁷ «Княгиня Асмодеевна» — Вера Федоровна Вяземская (1790— 1886) — жена П. А. Вяземского. — «Асмодеюшки» — их дети.

(Киев. 28 февраля 1820 г.)

Любезный друг, на твое письмо, давно уже полученное¹, я не отвечал по сих пор, частью оттого, что природой одарен отличною леностью, а частью оттого, что судьбой осужден на бесполезную и томительную деятельность. Постараюсь на тысячу твоих вопросов отвечать, да после сам держись.

Чем я занимаюсь? Вздорными бумагами, посреди коих письма к

друзьям есть полезнейшее и приятнейшее дело.

В кого влюблен? В представительное правление, во все благородные мысли, во всех благородных людей, в числе коих и тебя помещаю. Живу с Бенжаменом Констаном², с Бентамом³, и прочими писателями сего рода. Иногда от нашего бракосочетания родятся уродливые выписки, записки и пр. Из всех детей, прижитых мною, любимое есть $\mu a \partial e m \partial a$, но, к несчастию, час от часу чахнет.

Напечатана ли речь моя? Нет, она в типографическую службу принятой быть не может. Il y a de la roture dans son fait*. А бродит партику-

лярно из рук в руки. И то не худо⁴.

Что делает Денис в когтях у Гименея? Еще не кряхтит, а нежится. Ему кажется странным быть счастливым. Он греется под подолом. Ничего не пишет, живет в Москве и ожидает наследника или наследницу 5.

Твои комиссии прекрасной Софье 6 переданы. Я ей сказал, что ты всякое утро, вставши с постели, молишься на восток с тех пор как ее полагаешь в Киеве, и всякий день трижды, а иногда и более повергаешься к ее стопам. Они пробыли все контракты и теперь уехали на масляной в Петербург. Чудная красавица, а все что-то не то. Красота без стыдливости для меня точно как мятые груди без шнуровки. Конец ответу.

Теперь я начинаю тебя запрошать.

Что ты делаешь?

Что делают в Польше?

Надеются ли на присоединение наших провинций? На чем надежда сия основана?

Каковы выборы?

Какие будут предметы будущих прений?

Кто из людей употребленных более имеет весу?

Когда ждут царя?

И пр. и пр. и пр. в сем роде⁸.

Пришли мне la Diète de 1818 9.

Прощай, друг Асмодей

Рейн

Сего 28-го февраля 1820 года. Киев.

Пришли твои сочинения, ежели есть что-нибудь новое. Издавать журнала здесь в Киеве не буду, воля твоя — а затей русский журнал в Варшаве и помести там все без изъятия прения вашей каморы. Вот слава тебе, вот честь. Я подпишусь на многое количество экземпляров.

^{*} В ней слишком много плебейского (франц.).

Hymner Whom through your end come say the the says on the the state of the the says on the the the says on the the says on the throw allow in a good sport their up adad younged workers down unkende Mayerant to Expured as now row times till offe to Expuse & Aguard Samue Whenevote . Frank Cuther Math, Sout round, R. R. Warrenged to duran New Trus Authoria es systems and found equiliments of the Trus Authoria es condam? Have a dy 34 the speed women by by expect opening? Type and Cow 28" Jalyan 800 nos Sunto Organian with 6 Dit of 1818. the sign in a sign. It was passe. Mountainles Programmogueley -Good greater of comme! . I have greatered to the free faith. Toyn year days. a ne motera le me degle rays, remontes ond neuro ones General Experience our alone to depose googs a new The layer of the Emment posales que mbras demana, grammader Heavenmented uppel ween I that on the Hemospoule. light light of heard new thembergo wason and lumes could tuiling in the trenguenin and onet could expectedly. That a yearness of By Eggeten Spring to grand is the Beardings . He nya Delabureard pass repulments. 160 113 Sugar Dues return, by 63 yts Sumgen Duty ways egglo or yoursened had no unger to The closed the and though in note tendengers. Helley is by Freginanton to the Branco world it Experience went waters there on fait. a specal to myoung stopm Madgacia grape, the rection value when the compresses, monumen an Para. Consol of more present for theory delaying connectioned Transles, a training went were can't you mand come appeal . _

АВТОГРАФ ПИСЬМА М. Ф. ОРЛОВА К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ ОТ 28 ФЕВРАЛЯ 1820 г.

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Напиши мне об этом предмете несколько строк, а я тебе о сем напишу огромное письмо. Пожалуй подумай и скорее отвечай. Я даже пойду на сотрудничество и на разделение убытков. Но делать должно осторожно¹⁰.

1 Это письмо Вяземского не дошло до нас.

² Бенжамен Констан (1767—1830)— французский политический деятель и публицист. Один из лидеров буржуазно-либеральной оппозиции периода реставрации.

³ Иеремия Бентам (1748—1832)— известный английский публицист и философ, идеолог буржуазного либерализма, поборник капиталистического строя. Пользовался большой популярностью в России. Сочинения его издавались на русском языке еще в начале XIX в.

⁴ Орлов пытался издать свою речь в Библейском обществе (см. о ней письмо № 1 и прим. 4 к нему). Однако президент Общества, министр народного просвещения и духовных дел А. Н. Голицын обвинил Орлова в нарушении цели Общества, которая

заключалась в раздаче Библии (см. «Ос́т. архив», т. I, стр. 306—307).

А. И. Тургенев, приятель Орлова, в это время — директор департамента Министерства просвещения и духовных дел и секретарь Библейского общества, к которому Орлов неоднократно обращался по этому поводу, не хотел ничего предпринять. Он полностью разделял точку зрения Голицына и считал, что подобное выступление может принести много неприятностей Орлову. Вяземский, знавший возражения А. И. Тургенева, писал ему, что только в том виде, в каком хочет Орлов реорганизовать работу Библейского общества, оно может принести пользу («Ост. архив», т. I. стр. 346—347).

5 О женитьбе Д. В. Давыдова см. письмо № 1 и прим. 5 к нему.

⁶ Софья — Софья Станиславовна Потоцкая, с 1821 г. жена П. Д. Киселева. Вяземский называл ее «Минервой» (см. «Ост. архив», т. І, стр. 338 и др.). — Семь я Потоцкой — мать ее, Софья Константиновна (1765—1822), и сестра Ольга Ста-

ниславовна, впоследствии Нарышкина (1802—1861).

⁷ Вот, что отвечал Вяземский Орлову на эгот вопрос в середине марта 1820 г. из Варшавы: «Вообще все желают более твердого владения тем, что им уже хартией отмежевано, чем новых прав и новых уступок. Этими словами отвечаю тебе и на запрос: "надеются ли на присоединение наших провинций?". Конечно, надеются, но иногда заманиваются вырвать у них изо рту кусок хлеба, который они только что жевать начали: черт ли им велит смотреть на пирог, как он ни будь для них лаком?

"На чем сия надежда основана?" — На двусмысленности слов двуличного Януса

<Александра I>».

Среди аристократических польских кругов упорно держалось мнение о присоединении к Царству Польскому украинских, белорусских и литовских земель. Надежды на это присоединение особенно усилились в связи с намеками Александра I орасширении территории Царства Польского, сделанными им в речи при открытии Польского сейма в марте 1818 года (S. Kieniewicz. Przemiany społecznei gospodarcze w Krolestwie Polskim (1815—1830). Warszawa, 1951, str. 89). Речь Александра I произвела большое впечатление не только в Польше, но и в России. Многие, в том числе и Орлов, принимали обещание царя всерьез. В действительности же Александр I никогда не собирался расширять территорию Царства Польского. Его «обещания» были политическим маневром, предназначенным для заграничных газет.

были политическим маневром, предназначенным для заграничных газет.

8 Орлов, как это видно из его писем, очень интересовался положением дел в Царстве Польском. Этот интерес ведет свое начало еще с момента образования Царства Польского, когда Орлов решительно высказался как против его создания (по его выражению «восстановления Польши»), так и против предоставления ей конституции. Так он написал «Протест против учреждений, дарованных Польше», под которым собирал подписи известных деятелей. Узнавший об этом Александр I потребовал «Протест» у Орлова, по тот отказался представить документ, заявив, что бумага эта

у него пропала. Результатом явилась опала Орлова.

Орлов утверждал в двух «Записках о тайном обществе», что свой «Протест» он

писал в 1815, а не в 1817 году.

В первой «Записке» он сообщал следующее: «Наступили события 1815 года. Основание Польского царства, бесполезность моих хлопот при царствовавшем тогда государе, против этого плана, убеждение, что в Польше существует тайное общество, которое незаметно работает над ее восстановлением ⟨...⟩ значение, благодаря которому польский вопрос все больше выдвигался в планах государя или казался выступающим на первый план, так как это было время создания Литовского корпуса, — все эти причины, взятые вместе, внушили мне мысль связать противодействие польской системе с моими первоначальными планами ⟨создать тайное общество. — Л. В.⟩. В связи с этим е 1816 и отчасти е 1817 г. вместе с Мамоновым я был занят одним делом» («Красный архив», 1925, № 6, стр. 160. — Курсив наш. — Л. В.).

Как видим, Орлов совершенно ясно указывает на то, что бесполезные хлопоты по польскому вопросу относились не к 1817 г., а к более раннему времени, так как, не

добившись успеха тогда, он в 1816 и в начале 1817 г. приступил к созданию новой тай-

ной организации.

Еще более конкретно он об этом пишет во второй «Записке о тайном обществе»: «Государь изволил отправиться в Вену, и вскоре разнеслись слухи о восстановлении Польши. $\langle ... \rangle$ Я тогда жее $\langle \tau$. е. в 1815 г. — I. В. \rangle написал потгительное, но, по моему мнению, довольно сильное письмо к его императорскому величеству. Но сие письмо, известное генер \langle ал \rangle -адъютанту Васильчикову, у меня пропало еще не совсем доконченным, и сведение об оном, дошедши до государя, он долго изволил на меня гневаться» (Довнар-Запольский. Мемуары, стр. 3. — Курсив наш. — I. В.).

Итак, Орлов связывает время написания своего «Протеста» против восстановления Польши с Венским конгрессом, точнее с его заключительным актом, относящимся к концу мая — началу июня 1815 г., когда был решен окончательно вопрос с Польше (Н. К. Шильдер. Император Александр I. СПб., 1897. т. III,

стр. 316—318).

Из вышесказанного следует, что едва ли правы М. О. Гершензон и М. К. Азадовский, относящие написание «Протеста» Орлова к 1817 г. (М. О. Гершензон. История молодой России. 1923, стр. 12; М. К. Азадовский. Затерянные и утраченные произведения декабристов. — «Лит. наследство», т. 59, 1954, стр. 628).

Самый факт написания Орловым «Протеста» был широко известен в свое время. Об этом вспоминали И. Д. Якушкин и Н. И. Тургенев (Якушкин, стр. 38; Н. Тургенев. Россия и русские. М., 1907, стр. 52). Но Якушкин, передавая эту историю,

нигде не указывал, что «Протест» относится к 1817 г.

Что касается Н. И. Тургенева, то в его воспоминаниях имеется ряд противоречий. Так, оп писал, что «создание польского королевства и особенно речь на открытии представительного собрания произвели в России известную сенсацию». Тургенев здесь объединил два события, отстоящие одно от другого почти на три года.

Как известно, торжественное восстановление Польши происходило 9/21 мая 1815 г. Тогда же Александр I писал Чарторыйскому о своих намерениях дать Польше конституцию. Первый же польский Сейм состоялся в 1818 г. (15/27 марта), и на нем

Александр I выступил с речью.

Говоря о том, что «генерал Орлов составил что-то вроде протеста против учреждений, дарованных Польше, и хотел представить его императору с подписями некоторых генералов», Тургенев не указывал времени написания «Протеста» и можно предполагать только, что это было в 1815 г., так как в 1818 г. Орлов находился в Киеве и ника-

ких протестов не писал.

Вероятнее всего, Орлов писал «Протест» и собирал под ним подписи в конце апреля или в самом начале мая 1815 г., когда была решена судьба Польши на Венском конгрессе и Александр I делал намеки на то, что даст Польше «внутреннее расширение» (Н. К. Ш и л ь д е р. Император Александр I, т. III, стр. 317). Необходимо отметить, что если бы Орлов писал «Протест» в 1817 г., это должно было бы как-то отразиться в дневнике Н. Тургенева за этот период, так как Тургенев был очень близок с Орловым. Отрицательное отношение Орлова к «восстановлению Польши» было исключительным явлением в среде декабристов. Как известно, громадное большинство декабристов и особенно члены Южного общества были решительными сторонниками создания независимой Польши.

9 Орлов просит прислать ему протокол польского Сейма за 1818 г.

10 Вяземский отвечал на это письмо Орлова в середине марта 1820 г. из Варшавы: «Наконец ты откликнулся письмом от 28 февраля. Спасибо за ответы: вот мои, на твои запросы.

"Что я делаю?"

– То, что можно делать, когда в жизни, как и почти во всякой русской жизни, нет ничего положительного и, так сказать, ощутительного. Терпеливее в беспредельности произвольных соображений, надежд, до сей поры несбыточных, сожалений горестных: чувствуещь в себе избыток движений и не знаешь, куда приложить эти движения; почва убегает из-под рук, и ветер развевает семена прекрасных предположений. Я долго думал о средствах, нам предстоящих, врезать след жизни нашей на этой земле упорной и нам сопротивляющейся, и нашел одно: заняться теоретическим образом задачею уничтожения рабства. Составить общество, в коем запрос сей разберется со всех сторон и в пользу всех мнений (разуместся, истина будет на нашей стороне); после того, утвердивши на основании вадежном сие мнение, вышедшее чистым и искушенным из горнила прений разносторонних, пустить его в ход, а за ним, как за точкою начальною, повлекутся все последствия благотворные. Если самим не придется нам дожить до созрения сей мысли, то, по крайней мере, от признательности потомков счастливейших не ускользнет память бытия нашего. В одном письме к Тургеневу изъяснил я мысли свои подробнее и удачнее; главными опорами моего мнения есть то: 1-е, что рабство крестьянское, как уродство на государственном теле, п более еще — как единственная стихия революции при настоящем политическом быте Росспи, должно непременно уничтожено быть; 2-е, что хотя действие и срезание этого нароста принадлежит правительству, но предварительные советывания принадлежат,

несомненно, дворянам-помещикам. Я напишу к Тургеневу, чтобы он тебе мое письмо

прислал: я тогда писал сгоряча.

Впрочем, живу: день мой — век мой. Имею несколько приятных знакомств и живу здесь потому, что в России мне душно: сплю и вижу, как убраться под другое небо и ожидать, чтобы слово *отечество* получило какой-нибудь смысл на языке у русского <...>

"Каковы выборы?"

— Много было очень хороших, но вообще система выборов здесь очень порочна. Большая часть избирателей — люди неимущие и многие безграмотные: обедами, по-пойками, а иногда и просто обманами добываются выборы. Например: подносят лист к безграмотному; спор идет о двух кандидатах; он держится одного, ему подносят лист о другом, и он велит вписываться на этом листе, тогда, когда голос подает о другом. "Какие будут предметы будущих прений?" — Должны были совещаться о свободе

"Какие будут предметы будущих прений?"— Должны были совещаться о свободе тиснения, которая хартиею обеспечена, но еще никаким законом не утверждена. Теперь собираются ее до открытия Сейма прибрать в когти. Занды, Лувели, Тистевуды

мерещатся всем правительствам (...)

"Кто из людей, употребленных более или менее wighs*" (кажется, ты то написал)? — Отличие, звание, как камзолы, которые надевают в желтых домах, усмиряют самых бешеных. Большая часть из занимающих первейшие места в царстве были действующими лицами в революции 1794 года и, так сказать, воспитана революциею французскою. Но иные от усталости, другие от гибкости покоятся на розах torys**. Делами едва ли не все torys, словами все wighs, и решительно сказать можно, что господствующий образ мыслей есть либеральный, или лучше — европейский; уши не терзаются в гостиных звуками азиатских мнений, и истины политические, которые у нас теплятся под спудом, здесь на виду и общи <...>

"Когда ждут царя?"

— В конце августа или начале сентября, на шесть недель.

"И пр. и пр. и пр. в сем роде?".

— Кажется, прочего довольно было. Конечно, ты прав: хорошо бы в Варшаве издавать русский журнал! Но мне никак нельзя: я один или, еще и того хуже, не один; надеюсь однако ж во время Сейма сообщать известия о прениях, если не бог, а люди позволят. Ты просишь чего-нибудь нового от меня. Но ты ведь до стихов не охотник, а прозою статский советник и кавалер Яденков, урожденный Яценко, позволяет говорить только о погоде и то еще с осторожностию» («Архив Тургеневых», вып. 6, стр. 377—380).

3

<Киев. 22 марта 1820 г.>

Так как ты не шутя пишешь ко мне о журнале, то я также, оставя шутки в сторону, скажу тебе мои мысли.

Как ты хочешь, чтоб здесь в Киеве издавался журнал? Здесь нет ни писателей, ни читателей, ни типографии, ни цензуры. Странно бы видеть свободомыслящий вестник, напечатанный славянскими буквами, сочиненный попами или монахами, и коего каждая книжка отсылалась бы на смотр в Харьков или Петербург. Да и всё под моим ведомством, я, коего и так, каждое письмо, каждое слово, каждое дело, подлежит цензурному присмотру. А вот мысль моя, которую прошу облумать.

Самое настоящее место для издания журнала это Варшава. Там отголосок европейского просвещения более отдается. Там хотя не существует еще вольное книгопечатание, но, по крайней мере, оное торжественно обещано. Там ты имеешь свое пребывание постоянно. Сколько предлогов для издания журнала рождаются, так сказать, из самой сущности вещей? Не стыдно ли, что посюда польская конституция еще не переведена на российский язык? Не стыдно ли, что в России неизвестно, о чем поляки рассуждали на последнем сейме? Не стыдно ли, что непроницательная завеса неизвестности покрывает от нас все покушения поляков на Россию? Ты определен, кажется, судьбою, чтоб сорвать сию завесу, чтоб показать, с одной стороны, то, что делается для водворения свободного правления в Польше, а, с другой, то, что предпринимается

** тори (англ.).

^{*} виги (англ.).— Здесь Вяземский прочел неверно слова Орлова.— Peд.

для уничтожения российской славы. Я знаю, как трудно сие исполнить, но у тебя есть голова и перо, у тебя родилось, судя по письму твоему, то священное пламя, которое давно согревало мое сердце и освещало мой рассудок. Тебе предстоит честь и слава.

Показавши цель, покажу и средства.

Проект журнала должен быть составлен в самом умеренном духе. Во-первых: в оном должно показать намерение сплесть новый узел к соединению двух народов. Во-вторых: предварить, что будут помещены статьи

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ Портрет маслом К.-Х. Я. Рейхеля, 1817 г. Всесоюзный музей А. С. Пушкина, Ленинград

о польской словесности, дабы познакомить с оною россиян. В-третьих: можно сказать и о постановлениях, опираясь на истину, что короткое знакомство есть основание дружбы между людьми как между народами. В-четвертых: начать журнал переводом конституции, потом изложением последнего заседания, наконеп, переводом речей. К сему политическому изложению можно прибавить перевод каких-нибудь стишков, басенок и проч. В-пятых: известие о происшествиях в Европе гораздо скорее доходит до Варшавы, нежели до России, почему и можно будет помещать

оные в подробности, опираясь в проекте на истину, что Россия перестанет платить значительную дань чужим землям за их журналы. Сие весьма нужно, хотя единственно для соревнования с гимнами «Инвалида» 1.

Форма журнала должна быть та же, что и французских ежедневных газет. Имя журнала предлагаю: Российский наблюдатель в Варшаве. На предприятие я сам внесу значительную вкладку. Остальной капитал можно набрать ак**ц**иями.

Тебе надобно собрать сотрудников, из коих один решится, может быть, на сме дело. Оп наш арзамасец, а именно Никита Мурасьев. Он педавно оставил службу и, сколько я знаю, горит желанием быть полезным². Я, Николай Тургенев, Дашков з и Сергей Тургенев з Царь-Граде, Блудов з в Англии и прочие арзамасцы будут твоими сотрудниками. Таким образом самое разделение наше послужит к успеху.

Я, с моей стороны, один помещу до двухсот экземпляров. По крайней

мере, надеюсь исполнить сие обещание.

Каков тебе кажется мой план? Чтоб не перебивать твоих мыслей, ни одного слова более не прибавлю. Оставляю сие на твое размышление и с нетерпением ожидать буду твоего ответа 6.

Рейн

Сего 22 марта 1820-го года.

Письмо написано под диктовку. Рукой Орлова сделаны только отдельные вставки, дата и подпись.

1 «Русский инвалид»— официальная газета военного ведомства, изд. с 1813 г. ² Н. М. Муравьев — в это времи поручик Гвардейского генерального штаба. 13 января 1820 г. вышел в отставку. Еще в 1817 г., когда Н. И. Тургенев и Орлов задумали издавать журнал литературного общества «Арзамас», Муравьев должен был в нем участвовать в качестве историка и публициста.

Дмитрий Васильевич Дашков (1784—1839)— один из организаторов «Арзамаса». С 1818 по 1820 г. состоял при русской миссии в Константинополе (см. о нем

далее, стр. 486 п 495).

4 Сергей Иванович Тургенев (1790—1827)— младший из братьсв Тургеневых, был близок со миогими декабристами и разделял их взгляды. С января 1820 г.

по июнь 1821 г. состоял при русской миссип в Константинополе.

5 Дмитрий Николаевич Блудов (1785—1864)— организатор и активный член «Арзамаса». С 1817 по 1820 г. служил советником, а затем поверенным в делах русского посольства в Англии, позднее — один из составителей и главный редактор «Донесения Следственной комиссии» 1826 г., министр внутренних дел и председа-

тель Государственного Совета.

6 Вероятно, Вяземский предпринимал какие-то попытки для создания журнала в Варшаве, но они окончились неудачей. 18 сентября 1820 г. он, очевидно, по этому поводу писал С. И. Тургеневу: «Я было намеревался доставлять в Россию вести о сво- $60\partial e$, весьма умеренной и обузданной, вести о действиях здешнего сейма, нам не чуждых, ибо, как ин говори, а они у вас не только что под носом, но часто могут быть и на носу, но, как и писал Орлову, в общирной спальне России никакие будплыники не допускаются, и я намерения своего в дело провести не мог» («Архив Тургеневых», вып. 6, стр. 8).

Киев. 15 июня 1820 г.>

Любезный друг, сделай одолжение, извести меня, получил ли ты письмо мое, писанное чрез г. Скибицкого 1. Я о сем не имею ни малей-

Благодарю тебя за твои ласковые брани. Не беспокойся, любезный Асмодей, у нас из блохи делают слона. Я не столь неосторожен, как ты думаешь 2. Я не Вральман, а жертва Вральманов, которые на мою шею сваливают все свои грехи. Что касается до того, что тебе сказываля в Варшаве обо мне, то сие не должно тебя пугать за меня. Господа пересказчики или меня не поняли, или дали моим словам совсем посторонний смысл. Ежели ты одобришь мою речь, то можешь и все одобрить во мис, ибо я ничего не говорю сильнее того, что написал³.

Рассуждения твои прекрасны, да и мои не худы 4. Дело только в том, что рассуждения рассуждениями и кончатся. Нет связи, нет цели, нет узла, словом, нет ничего. В монархе вижу отдаленное намерение, в себе и некоторых других обретаю страстное желание, но в массе не нахожу ничего, кроме бесчувственного бытия. Мы так напуганы, что и счастья боимся. Какая жатва может быть на поле, которое зарастим осокою? Всякий день озаряет постепенность к падению всего общества. Я не люблю пророчить о дурном. В 1812 год, когда все отчаявались в спасении Отечества, я и несколько других проповедовали, что все будет спасено. Но теперь вижу опасность другого рода. Не грозой побита будет жатва, но червями съсдена, а червей трудно искоренить. У нас так много пресмы-кающихся животных, что нельзя ступить, чтоб кого-нибудь не раздавить. Но довольно о сем предмете. Ты так забранишься, что трудно будет и разделаться с тобою. Я тебя знаю. Ты из дружбы ко мне готов меня и разлюбить.

Мне видно долго будет жить. Я так расхохотался от известия о смерти моей, что едва не надселся. Благодарю еще раз за надгробное слово, толь-

ко уверяю, что оно мне неприлично 5.

У меня был здесь Тургенев и жил дни с четыре. Он едет в Царь-Град и теперь уже там, вероятно 6. Я кой-что нового узнал, неожиданного, приятного сердцу гражданина. Ты меня понимаешь. Хвала тебе, избранному на приложение. Да будет плод пера твоего благословен во веки. Но когда благодать низойдет на нас? Когда слеза рабства иссохнет на ланитах. украшенных улыбкою вольности? Неужели не доживу до сего благословенного мгновения? Вот надежды мои, вот от чего биение сердца и волнение ума. Друг мой, тогда только назову себя счастливым, когда мы все вместе счастие вкусим.

Н переменяю службу. Из Киева еду в Бессарабию, в Кишинев, где назначен командиром 16-ой пехотной дивизии. Пиши туда.

Твой друг Рейн

Сего 15-го июня 1820-го. Киев.

1 Франциск Фаддеевич Скибицкий — вице-референдарий при польской Комиссии духовных дел и народного просвещения.

² Письмо Вяземского к Орлову с «ласковыми бранями» не дошло до нас.

³ Общественная деятельность Орлова в Киеве и особенно его речь на заседании Библейского общества привлекли к нему всеобщее внимание. Осенью 1819 г. Орлов приезжал в Москву и пытался увидеть своего товарища М. А. Дмитриева-Мамонова, с которым он вместе организовал первое в России тайное общество «Орден русских с которым он вместе организовал первое в госсии тайное оощество «ордек русскых рыдарей» (1814—1817) (см. о нем обзор М. К. Азадовского — «Лит. наследство», т. 59, стр. 609—611, а также прим. 1 к письму № 9). В это время Мамонов был душевно болен. 16 апреля 1820 г. Н. И. Тургенев писал брату Сергею из Петербурга: «Об Орлове Мих⟨аиле⟩ здесь говорили всякий вздор. Будто он, будучи в Москву, ездил к своему приятелю гр. Мамонову, тот будто его не принимал, и Орл∢ов⟩ выломал дверь, чтобы войти к нему. Потом говорили, что Орлов рассуждал везде о конституции и проч. и прот. А, наконец, сказали, что он ездил в Москву, чтобы рассмотреть с Мам(оновым) сделанную ими конституцию для России. Этот последний слух дошел и до государя. Последнее, что слух до государя дошел, кажется верно» («Письма Н. Тургенева», стр. 207).

Повидимому, тот же слух несколько позже дошел и до Варшавы. Выступление Орлова в Библейском обществе связали с разговорами о конституции, которые он

якобы вел с Мамоновым.

4 Вероятно, речь идет о намерениях Вяземского создать Общество, которое способствовало бы отмене крепостного права в России (см. прим. 8 к письму № 2). Как видно из текста письма, Орлов очень скептически относился к проектам своего увлекающегося друга.

5 Вяземский писал А. И. Тургеневу 27 марта 1820 г. о персжитых им волнениях в связи со слухами, распространившимися в Варшаве о мнимой смерти Орлова («Ост. архив», т. II, стр. 32).

6 О С. И. Тургеневе см. прим. 4 к письму № 3.

5

⟨Киев. 23 июня 1820 г.⟩

Мне сказали, любезный Асмодей, что ты в Петербурге. Пишу к тебе, чтоб тебя уведомить о письмах моих, на коих не имею никакого ответа. Я писал тебе чрез Скибицкого. Пожалуй, уведомь, получил ли сие письмо. Я писал тебе также ответ на твою надгробную речь. Но сего последнего ты получить еще не мог, ибо я недавно адресовал его в Варшаву 1. Пожалуй, перепишись, чтобы оно было к тебе доставлено. Мне бы весьма было

неприятно, ежели б оное письмо попалось в чужие руки.

Я еду, любезный друг, в дальный край, за тридесятое царство и отдаляюсь от дентра России с некоторым печальным духом, которого сам себе пояснить не могу. Хотя мое желание исполнилось, хотя я чувствовал бы себя обиженным, ежелиб правительство не дало мне сего знака доверия, однако же я не могу без горести переселиться среди молдаван и греков, коих ни язык, ни образ мыслей, ни намерения, ни желания не могут согласоваться с моими чувствами. Я чувствую себя изгнанником. Я вне круга моего, я брошен без компаса на неизвестное море и отдаляюсь от отечества, не зная, когда в оное возвращусь, ибо мое намерение есть приковать себя к новой моей должности так, как прикован был к старой 2. Пожалей обо мне, ты, который в пустыне варшавской, где никакое эхо не отвечает сердцу твоему, можешь чувствовать то, что я чувствую, и, следственно, понимать мои изречения. Но ты, по крайней мере, в сношении с кипящей Европою, ты живешь на краю рабства и, так сказать, отворив окошко, можешь набираться вольным и свежим воздухом, а я напротив того, буду приперт к Азии, отдален от белого света, и принужден жить посреди низкого народа, коего и предрассудки мне неизвестны и не любопытны. Жребий мой не слишком завиден, хотя многие может быть и завидуют. Какая бы разница, ежели б я получил дивизию в Нижнем Новгороде или в Ярославле. Я был бы как рыба в воде. Но что делать? Должно решиться, и я возьмусь за гуж от всех сил сердца и рассудка.

Вот тебе письмо вроде посланий покойного Иеремия, пророка блаженной памяти и меланхолического свойства. Этот вздор может позабавить тебя на некоторое время и я получу от тебя в отраду несколько строчек, коими буду любоваться в уединении. Пиши ко мне, любезный друг, твои и бранные письма для меня приятны. Я на каждом слове останавливаюсь и вижу, что ты любишь меня и Россию. Сие радует сердце мое и дает

мне надежду на будущее.

Прощай. Твой верный Рейн

Сего 23-го июня 1820. Киев.

1 «Ответ на надгробную речь»—предыдущее письмо.

² Орлов получил в это время, благодаря содействию своего друга П. Д. Киселева, начальника штаба 2-й Армии, командование 16-й пехотной дивизией этой армии, стоявшей в Кишиневе.

6

<Кишинев. 15 октября 1820 г.>

Любезный Асмодей, виноватого бог простит. Получил твое письмо с приложениями¹. Покорнейше благодарю за послание и за посылку. Я с удовольствием прочитал речь государеву². Трудно было говорить Европе в нынешних обстоятельствах. Я говорю Европе, а не Польше, ибо точно сия речь более касается общих политических дел, нежели частных польских. Что ж до речи господина Мостовского³, то это другое дело. Выработанные речения не скрывают от проницательности опытных глаз недостаток существенных мыслей. Я в первый раз читал речь депутатам нации, в которой говорят о частной выправке солдат,

rocy a retreber

при Ижпинаторской Медико-Хирурсичесной THROTPAGIR ABLYCTA

КНИГА М. Ф. ОРЛОВА «О ГОСУДАРСТВЕННОМ КРЕДИТЕ». ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ, 1833 «Его сиятельству милостивому государю инязю Петру Андреевичу Вяземсному от сочинителя М. Орлова в знан дружбы и уважения» Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва о рекрутской школе и о палатках, в которой министр возвещает народу, что он пользуется всеми правами конституции, то, что не время вводить ни вольного книгопечатания, ни суда присяжных, ни даже рассуждения о бюджете. Вот, однако же, весь смысл сей речи, в которой, впрочем, много есть блестящих выражений и французского мишурного витийства.

Мы здесь смирно живем, то есть не я, а все другие. Что ж касается до меня, то я проехал уже 600 верст верхом и сажусь еще на коня, чтоб проехать снова 800. Объезжаю всю границу, мне поверенную, и после только моего возвращения отдохну немного. Моя жизнь, друг мой, мне правится, хотя она и не весьма приятна с первого взгляда. Много занятий, много трудов, много движения. А это мне и нужно. Дни молодости улетели безвозвратно. Я об них не жалею. Дни старости только бы не так скоро явились. Против дряхлости я вооружен умеренностию, спокойствием духа и самими моими занятиями.

Прощай, любезный Асмодей, извини мое краткое письмо, но ей-ей

нет времени. Пиши ко мне. Вот мой адрес:

Е́сто> п<—ву> м. г. М<ихаилу> Федор<овичу> Орлову. Командиру 16-й пехотной дивизии в г. Кищиневе в Бессарабии. Прощай, твой друг

Орлов

Сего 15-го октября 1820. Кининев.

 ${\bf P.~S.}~{\bf H}$ получил также и первое твое письмо 4 , но на то нет времени отвечать.

1 Упомянутое письмо Вяземского не дошло до нас.

² Имеется ввиду выступление Александра I на открытии 2-го польского Сейма в Варшаве 1/13 сентября 1820 г. Речь эта была переведена Вяземским с французского на русский язык (текст ее в переводе Вяземского напечатан в «Ост. архиве», т. II, стр. 411—414).

стр. 411—414).

3 Тадеуш Антоний Мостовский, гр. (1766—1842) — министр внутренних дел и полиции в княжестве Варшавском (1812—1815) и в Царстве Польском (1815—1825), а затем сенатор. Его речь, произнесенная 1/13 сентября 1820 г. на Сейме, была напечатана в петербургском журнале «Le Conservateur impartial», 1820, № 76.

4 Это письмо Вяземского также не дошло до нас.

7

(Москва. Январь 1821 г.)

Любезный Асмодей, твоя Вера Асмодеевна приняла меня как родного брата, и насильно заставила писать к тебе письмо. Я приехал в Москву на 8 дней. Тебя не увижу, ибо возвращаюсь в свое степное уединение. На крае света занят теми же мыслями и томлюсь тою же грустию, как и в самом отечестве. Тебе то и другое известно. Прощай, любезный друг, на досуге напишу длинпое письмо. Теперь обращаюсь по необходимости к скромному молчанию.

Твой друг Рейн

Это письмо, вероятно, было написано в январе 1821 г., когда Орлов приезжал в Москву на съезд Союза Благоденствия. Действительно, Орлов пробыл в Москве всего несколько дней и уехал в Киев (М. О. Гершензон. История молодой России. М. — Иг., 1923, стр. 33).

9

Одесса. 9 сентября 1821 г.>

Любезный друг, твое письмо меня обрадовало чрезвычайно, ибо известия, дошедшие до нас, представили твои обстоятельства гораздо в худшем виде. Нам писали, что ты выключен из службы, а не сам ее оставил, что тебе запрещен въезд в обе столицы, а нс в одну только Варшаву, и что, наконец, тебе приказано два года прожить в одной деревне. Я, признаюсь, не мог сообразить столь строгого наказания с обыкновенным действием нашего правительства, которое до сих пор в подобных случаях

избегало излишних гонений. Теперь я ясно вижу, что все сие произошло от одних только личностей 1 .

Скажи мне, зачем ты оставил службу? Ежели к тому ты убежден был собственными твоими делами, то нет слова: ты хорошо сделал; но ежели ты изволил разгневаться и, желая еще служить, оставил службу, то это непростительно. Или ты был полезен или нет. В первом случае должно было остаться и продолжать быть полезным, или изыскать новое средство подвизаться на новую пользу. Во втором случае надобно было давно оставить мундир в строгом смысле философическом. Вспомни, кому ты служишь? Отечеству. Оно тебя не отвергало и не отвергнет. Что касается до частных неприятностей от начальствующих лиц, то кто оных не имел? Сколько полезных людей было выгнано из молдавской армии при Каменском? Сии же самые люди дослужились до важных мест, невзирая на сию неудачу, и, оставшись при делах, дошли до управления важными частями оных.

Впрочем, я совсем не понимаю твоих преступлений. Ежели ты страдаешь за то, что предпочитаешь логику Мануэля³ софизмам Вилеля 4 и Корбьера 5, то твое несчастие может завлечь тьму людей и меня первого. Я думал, что время гонения за политический образ мыслей прошло и что в нынешнем веке можно предпочитать с равной безопасностию Фокса 6-Питу 7 и Фенелона 8 — Боссюэту 9. Неужели я ощибался? Буду осторожнее. — За то ли, что уехал, не представившись его высочеству? Это ты дурно сделал, но я полагаю, что простое замечание более бы подействовало на тебя, чем строгое взыскание? Других причин в письме Новосильцова я не вижу. Впрочем, чтоб судить о сем, надобно знать все подробности твоего дела, а я оных не знаю. Что ты не унываеть, в сем я уверен сам по себе и тебе не нужно меня о том уверять. Желал бы только, чтоб ты употребил с пользою трудное нынешнее твое существование. Вооружись пером и сядь за работу. Судя по тому, как ты написал жизнь Озерова ¹⁰, я уверен, что ты можещь сделать оборот в прозе нашей и дать ей более точности и остроты. Займися прозою, вот чего не достает у нас. Стихов уже довольно, особливо что называется у французов Poésies légères*. Пора предпринимать образование словесности нашей в большом виде, в философическом смысле, строгими сочинениями или полезными переводами. Вот поприще, открытое пред тобою. Цензура не всегда будет препятствием. Она теперь так глупа, что само правительство скоро принуждено будет сокрушить собственное свое орудие. Впрочем, сочинение твое может ждать удобнейшего случая несколько лет. Это не беда. Ежели будешь работать истинно для пользы, то твое сочинение не умрет и переживет п Зона¹¹, и Тимковского¹², и всю собратию цензурных гасителей. Ежели ты примешь мой совет, то напиши, какой изберешь предмет. Я сочинением твоим буду весьма заниматься, ибо по всем дошедшим до меня слухам твой ум совершенно созрел и ты готов к обработанию важнейших политических предметов. — Подумай хорошенько о сем моем предложении и будь уверен, что найдется много людей, которые будут уметь ценить твои труды и не оставят имени твоего без прославления 13.

Вот уже целый месяц нет никаких известий. В Царь-Граде все смирно. В Морее и Архипелаге греки владычествуют. О прошедшем не пишу, ибо почитаю, что все уже известно.

Прощай, любезный друг. Повинуйся моим советам и иди по такой стезе, где личности не могут тебе прекратить путь к пользе и славе.

Твой друг М. Орлов-Рейн

Сего 9 сентября 1821. Одесса.

Р. S. Пиши в Кишинев.

^{*} легкой поэзией (франц.).

³ Литературное наследство, т. 60

Летом 1821 г., находясь в Москве в отпуску, Вяземский получил от своего начальника, полномочного делегата при Правительствующем совете Царства Польского, Н. Н. Новосильцова извещение о приказе Александра I, воспрещавшем ему возвращаться в Варшаву. Оппозиционные настроения Вяземского были хорошо известны правительству, так как письма его подвергались перлюстрации. В. к. Константив жаловался парко на Вяземского, говоря, что тот держится «принципов, несогласных с видеми правительства» (Полн. собр. соч. Вяземского, т. II. СПб., 1879, стр. XVIII; ср. статью Н. Кутанова (С. Н. Дурылина) «Декабрист без декабря». — «Декабристы и их время», II, стр. 206—213).

2 Николай Михайлович Каменский, гр. (1778—1811) — генерал от инфан

терии, в 1810 г.— главнокомандующий Молдавской армией. ³ О Мануэле см. стр. 200 настоящего тома.

* Жозеф Виллель (1773—1854)— французский политический деятель, сторонник абсолютизма, в 1821 г.— глава кабинета министров.

5 Жак Жозеф Корбьер (1767—1853) — французский государственный деятель, крайний роялист. Особенно сильно проявилась его реакционная деятельность в 20-х годах, когда он занимал ряд министерских постов, в частности пост министра внутренних дел (в 1821 г.). ⁶ Чарльз Джемс Фо

Фокс (1749—1806) — английский политический деятель,

представитель оппозиции в английском парламенте.

7 Вильям Питт, младший (1759—1805)— английский политический деятель, член Палаты общин, глава кабинета, боровшегося с Наполеоном.

⁸ Франсуа Фенелон (1651—1715) — французский писатель, автор «По-

кождений Телемака, сына Улисса».

 Жак Бенин В о с с ю э (1627—1704)— французский писатель, историк, епископ. Идеолог католической реакции и абсолютизма. Крайне реакционная система его политических взглядов и философия истории изложены в «Политике, освованной на священном писании» и в «Рассуждении о всемирной истории».

10 Речь идет о работе Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» (СПб., 1817). Статья эта приложена к первому изд. сочинений Озерова (см. Полн. собр. соч.

Вяземского, т. І, стр. 24—60).

11 З о н — чиновник Особенной канцелярии Министерства внутренних дел, ведавший театральной цензурой.
12 Иван Осинович Т и

Тимковский (1768—1837) — петербургский цензор

(1804---1821).

13 Вяземский отвечал Орлову 10 ноября 1821 г. из Остафьева: «... Ты спрашиваешь, отчего я пошел в отставку и приводишь мне в пример изгнанных из Молдавской армии. Но не сказано ли им было, что они из армии удаляются для того, что главнокомандующий не может ужиться с ними? В таком случае они корошо сделали, что в службе остались, ибо служили не Каменскому. И мне. если было бы сказано, что я при варшавском месте оставаться не могу, потому что не нравлюсь которому-пибудь из вышних лиц, которые, разумеется, нужнее меня правительству, то, повинуясь без ропота приказанию, уважил бы его справедливость и право. Но если удаленным сказапо было официально, что они неспособны к полевой службе, что присутствие их в армии не только бесполезно, но и вредно, то, по-моему, не хорошо они сделали, что, воротившись с носом, пошли совать его в другие места в ожидании будущих щелчков.

Мне объявлено, что мой образ мыслей и поседения противен духу правительства, и в силу сего запрещают мне въезд в город, куда я добровольно просился на службу. Предлагая услуги свои в другом месте и тому же правительству, которое огласило меня отступником и почти противником своим, даюсь некоторым образом под расписку,

что вперед не буду мыслить и поступать по-старому.

Служба отечеству, конечно, свишенное дело, но не надобно пускаться в излишние отвлеченности; между нами и отечеством есть лица, как между смертными и богом папы и попы. Веруй в бога и служи ему дома как хочешь, но при людях у одних целуй туфлю, а у других руки, которые иногда и туфли грязнее. Вот оправдание. Теперь приступлю к объяснениям и пополнениям. Я и до опалы хотел идти в отставку, не умея ужиться не с начальствами, а со службою. Мне и самому казалось неприличным быть в глубине совести своей в открытой противоположности со всеми действиями правительства; а с другой стороны, унизительно быть хотя и ничтожным орудием его (то есть не делающим зла), но все-таки спицею в колесе, которое, по-моему, вертится на**о**борот.

Я не рожден действовать сам собою и уметь приносить пользу личную в общем беспорядке. Я сравниваю себя с термометром, который не дает ни холода, ни тепла. но живее и скорее всего чувствует перемены в атмосфере и умеет показывать верно ее изменения. При других обстоятельствах и я мог бы быть полезен, но там, где жарят или знобят наудачу, где никаким признакам не верят, никаких указателей не трс-буют, там я вещь лишняя и лучше мне лежать заброшенным в углу, чем висеть чинно на стене и давать крови своей, подобно ртути, то опускающейся, то стремящейся вверх, поочередно кипеть от негодования или остывать от уныния. Мое намерение и М. Ф. и Е. Н. ОРЛОВЫ Рисунок А. С. Пушкина в альбоме Е. Н. Ушаковой, 1829 г. Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

прежнее было заглянуть к себе в деревню, устроить свои дела, а потом ехать в чужие края и прошататься, пока не стоскуется по домашнем хлебе или обстоятельства не по-

требуют, чтобы каждый гражданин стоял на часах на своем месте (...)

Занимаюсь по просьбе одного петербургского общества известием о жизни и стихотворениях Дмитриева. Если ты был доволен моим Озеровым, то надеюсь, что еще будешь довольнее моим Дмитриевым. Я на просторе и на досуге развернулся, многого не договорил, на иное намекнул. Недели через две, кажется, должен отделаться. А там мне самому хотелось бы себе для постоянной работы задать перевод полезного сочинения. На нем сел бы я на год или на два и мог бы еще наездничать по сторонам. Присоветуй мне, какую перевесть бы книгу. Может быть, я решусь с легкой твоей руки. Ты прав, пора словесности нашей приняться за дело и бросить игрушки. Вот что говорю в своем Известии: "Желательно, чтобы данный им пример (в Ермаке и Освобождении Москвы) — почерпать вдохновение поэтическое в источнике истории народной, - увлек за собою более подражателей. Источник сей ныне расчищен рукою искусною и в недрах своих содержит все то, что может вдохнуть жизнь истинную и возвышенную в поэзию; пора вывести ее из тесного круга общежительных удовольствий и вознести на степень высокую, которую она занимала в древности, когда поучала народы и воспламеняла их к мужеству и добродетелям государственным". M-me Staël говорит dans ses Dix années d'exil, que les auteurs russes ont composé jusqu'à ce temps du bout des lévres*.

Далее продолжаю, приведя это замечание: "постараемся избегнуть сего справедливого упрека и пусть поэзия, мужая вместе с веком, отстает от ребяческих игр,

украшающих дветами ее продолжительное отрочество".

Это все хорошо желать, но в исполнении встречается точка с запятою, то есть: Министерство просвещения и Тимковский. Дай нам не полную, но умеренную свободу печатания, сними с мысли алжирские цепи — и в год словесность наша преобразуется Все, что плывет теперь на поверхности, поглотится пучиною, а сокровенное всплывет на воду. Ты не знаешь, до какой степени ценсура наша давит все то, что не словарь, а подобие мысли. Некоторые примеры ее строгости и нелепости уморили бы со смеху

^{*} Мадам Сталь говорит в книге «Десять лет изгнания», что русские писатели до сих пор сочиняли все по принуждению (франд.).

Европу. Как посмотришь на то, что печаталось при Екатерине, даже при Павле, и то, что теперь вымарывается из сочинений! У меня есть перевод всей польской конституции, хартии и образовательных уставов. Хочу испытать, допустят ли до печати. Такой перевод мог бы любопытен быть у нас и со стороны занимательности политической и опыта языка нашего в новом роде» (Полн. собр. соч. Вяземского, т. II. СПб., 1879, стр. 108—110).

9

(Кишинев. 25 ноября 1821 г.)

Ты, я думаю, чрезвычайно сетуешь на меня, что давно к тебе не писал. Любезный друг, я так обременен разного рода делами, что не имею ни времени, ни охоты переписываться с самыми любезнейшими из моих приятелей, в числе коих и ты, конечно, помещен. Притом скажу, что с тобою привык говорить искренио, а почта искренности не терпит. Самые позволительные сетования на ход дел нынешнего времени могут истолкованы быть в худую сторону. Я сие испытал собственным опытом. Не знаю, кто мой инквизитор, но полагаю, что есть охотник к сему почтенному ремеслу, и потому закуси язык. Сижу в безмолвии и не смею поверить непросвещенным цензорам те мысли, кои без страха и без всякого взыскания мог бы объявить самому начальству. Тут-то и вся беда. Донесения частных и подлых шпионов всегда более или менее позлащены клеветою. Их выгода явственна. От них требуются известия, и они места свои потеряли бы, ежели б не доставляли каких-нибудь донесений. Оттого без всякого разбора помещают в оных все свои умствования, ложные и не ложные, употребляют клевету, марают людей невинных, толкуют во зло все их мысли, стращают начальство и приготовляют его к несправедливости. письма подлежат, вероятно, также их критике. Кто из них довольно чист душою, чтоб видеть во мне гражданина, а не вздорного болтуна? Они сами так подлы и так привыкли к подлостям всякого рода, что все деяния, все слова, все мысли, кои не походят на их дела, на их клеветы, на их соображения, должны казаться им буйственными. Ежели им угодно, пусть прочитают сие письмо. Оно послужит им, может быть, уроком, ежели какие-нибудь уроки могут действовать на их сердце и ум.

Ты мне пишешь, мой друг, чтоб я тебя сблизил с Мамоновым¹. Я бы весьма желал сего, но как приступиться к неприступному? Расстроенное его здоровье не позволяет ему выезжать. К себе никого не принимает и положил это правилом. Кроме меня никто его не видал уже несколько лет. Впрочем, постараюсь исполнить твое желание и для тебя и для него. Вы, познакомясь поближе, будете любить друг друга, ибо и он почтенный человек во многих отношениях. Я давно от него писем не имел, а теперь пишу чрез тебя. Ты сам письмо не отвози, а пошли чрез человека, и

ожидай его разрешения.

Башмаки получил². Что я (тебе)* за них должен? Жена тебе кланяется (и) * знакомится с твоей женой. Ты, когда узнаешь ее, полюбишь, ибо она достойная женщина во всех отношениях. Прощай, мой друг.

Твой истинный друг Михаил Орлов

Сего 25 ноября 1821, Кишинев.

Р. S. Я видел Дашкова и Сергея Тургенева в Одессе и очень им порадовался³. У нас все на военной ноге, а за границею на разбойничьей. Когда позволят зарядить ружья, не знаю, а кажется время прибли-

^{*} Здесь автограф поврежден.— Ред.

жается, где после семилетнего спокойствия начнется час испытания военного ⁴.

Прощай.

Приложенные письма перешли.

¹ Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов (1790—1863) — друг Орлова, участник Отечественной войны 1812 г. член Союза Благоденствия. Отошел от дел в 1817 г. вследствие душевного заболевания. В 1825 г., после восстания декабристов, его бумаги были на просмотре у правительства. Среди них был найден проект республиканской конституции (см. о нем также прим. 3 к письму № 4 и стр. 14).

2 В письме от 28 февраля 1821 г. Орлов, уведомляя Вяземского о своей женитьбе,

просил выслать ему несколько дюжин дамских башмаков (письмо это не публикуется

нами).

3 О Д. В. Дашкове и С. И. Тургеневе см. письмо № 3 и прим. 3 и 4 к нему. 4 Орлов, очевидно, имеет в виду обострившиеся отношения России с Турцией. 29 июня 1821 г. русское посольство выехало из Константинополя.

10

⟨Киев. 9 ноября 1822 г.⟩

Любезный друг, письмо твое с изображением прелестной твоей хари я получил исправно и спешу тебе отвечать 1. Ждал тебя в Крыму, в Одессе, во всей южной России, а ты рыскал по северу. Надеюсь, что, по крайней мере, успею тебя захватить в Москве, когда нынешний год туда явлюсь. Между тем посылаю жене твоей, у коей целую ручку, несколько банок варенья киевского, уплачивая тем старый мой долг и замазывая тебе сахаром рот за все твои упреки.

При сем следует также большое письмо от Пушкина, разбраненного тобою². Я не знаю, что он к тебе пишет, но этот молодой человек сделает много чести русской словесности. «Кавказский пленник» в некоторых местах прелестен, и хотя последние стихи похожи несколько на сочинение поэта-лауреата (lauréat), можно их простить за красоты общего³.

Дело мое идет и продолжается 4. Чужие краи и отечество полнилось странными слухами, и посреди общего вранья трудно постичь настоящий ход дела⁵. Об оном я распространяться не буду, но вообрази себе собрание глупой черни, смотрящей на воздушный шар. Одни говорят — это черт летит, другие — это явление в небе, третьи — чудеса и пр. и пр. Спускается балон, — и что ж? Холстина, надутая газом. Вот все мое дело. Когда шар спустится — вы сами удивитесь, что так много обо мне говорили. Впрочем, все сие дело меня крепко ожесточило и тронуло до крайности. Ежели я достиг равнодушия, то чрез сильную борьбу. Теперь я спокоен и надеюсь, что те, кои с первого маха хотели меня сбить с ног, ушиблись сами о меня и кусают себе пальцы.

Прощай, любезный Асмодей, до свидания.

Орлов

Р. Ѕ. По поверке нашлось, что сахарной замазки не посылаю на сей раз, но пошлю на будущий. Прощай.

Сего 9-го ноября 1822. Киев.

Это письмо впервые было опубликовано (не совсем точно) П. П. Вяземским в статье «А. С. Пушкин 1816—1825 по документам Остафьевского архива». — «Берег», 1880, № 74, от 6 июня; отд. отт.: СПб., 1880, стр. 53—55.

1 Упомянутое письмо Вяземского не дошло до нас. ² Письмо Пушкина к Вяземскому не сохранилось.

3 «Кавказский пленник» был в это время новинкой: он вышел в свет между 25 августа и 2 сентября 1822 г. (М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. І. М., 1951, стр. 352).— *Поэт-лауреат* — английский поэт-романтик Роберт Соути (1774—1843).

4 «Дело» Орлова — предание его суду за бунт в Камчатском полку. См. об этом публикацию М. К. Азадовского «Воспомивания В. Ф. Раевского» (стр. 118 настоящего тома) и сообщение С. С. Волка и П. В. Виноградова «Два приказа М. Ф. Орлова по 16-й дивизии (1820—1821)» (стр. 8).

5 14 августа 1822 г. во французской газете «Constitutionnel» появилась статья «О воз-

мущении солдат 16-й пехотной дивизии и о мятежном духе во всех полках корпуса генерала Сабанеева» (ЦГИА, ф. № 109, 1 эксп., д. 61, ч. 177, л. 71'.

11 .

(Москва. 20 июня 1826 г.)

Любезный друг, знаю всю твою дружбу и умею ее ценить. И брат в Петербурге и жена в Москве доказывают на тебя как ты благородно чувствуешь, как ты берешь участие в друзьях твоих, как ты стоишь грудью за них и как ты не отходишь в несчастии от тех, которых в счастии любил. Прийми, любезный друг, истинное изъяснение моей дружбы и моей благодарности за то, что во все мое отсутствие ты и жена твоя ни на минуту не оставляли мою жену без утешений. Бог вам за это заплатит когда-нибудь, а я, мой друг, с чувством нежнейшей дружбы прижимаю тебя к сердцу моему.

Я сейчас еду в деревню, и это письмо отдано будет тебе твоей женою

при твоем возвращении.

Прощай, друг мой.

Михаил Орлов

Сего 20-го июня 1826. Москва.

Написано после освобождения Орлова из Петропавловской крепости, где он находился в заключении по делу декабристов с 29 декабря 1825 г. по 16 июня 1826 г.

Благодаря заступничеству его брата, генерал-адъютанта А. Ф. Орлова, человека, близко стоявшего к Николаю I, М. Ф. Орлов отделался только исключением из службы и высылкой в имение Милятино Масальского уезда Калужской губ. В Москве он был проездом.

⟨Е. Н. ОРЛОВА — В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ⟩ *

⟨Милятино.⟩ 26 января 1827 г.

Милый друг, Панин, податель этого письма¹, вручит Вам две хрустальных шкатулки для медали Байрона; посылаю их Вам, чтобы доказать Вашему мужу, что я занималась его интересами, а задержал медаль мой господин и повелитель для того, чтобы иметь формы. Если шкатулки не подойдут, надо мне заказать другие². П(анин) передаст Вам также две хрустальных шкатулки для драгоценностей; посмотрите, подойдут ли они Вам. Дорогой друг, постарайтесь достать мне белого бархату для вышивки; посылаю Вам все деньги, которые у меня есть, и прошу Вас купить мне шерсти оттенков пунцового мака у голландского еврея, который никогда не продает в кредит. Я хотела бы еще несколько оттенков синих. Купите мне еще 8 арш(ин) тюля, немного шире, чем приложенный здесь, с краями или без них.

«Телеграф» получен, прочитан, обсужден, прокомментирован и в общем довольно хорошо принят милятинскими аристархами, но письмо из Дрездена³, но увы, даже ошибочное употребление слов не ускользнуло от их критики. Предоставляю Михаилу заботу развернуть все это.

До свидания, дорогие друзья, да пошлет вам бог мир и довольствие,

которое превосходит богатство

^{*} Перевод с французского.

АНОНИМНОЕ НЕМЕЦКОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ М. Ф. ОРЛОВА «О ГОСУДАР-СТВЕННОМ КРЕДИТЕ», ЛЕЙПЦИГ, 1840 г.

Титульный лист

⟨ОРЛОВ — ВЯЗЕМСКОМУ⟩

С «Телеграфом» тебя поздравляю. Ежели он далек еще от хорошего журнала в строгом смысле, по крайней мере, он лучше всех прочих. Полевому принадлежит честь редакции, но вижу по всему, что благонамеренность принадлежит тебе и твоему влиянию. Перевод отрывка Сея прекрасен 4. Журналистика очень мила; разбор библиографический очень хорош. И правду сказать, там говорено то, о чем я всякий раз, как читал журналы, гневался. Азбука — не книга, а географии наши едва не много выше правил Недоросля насчет географии 5. Твои рассуждения о словах также хороши, только то, что тебе сперва говорил, то и теперь скажу 6. А force de vouloir bien dire vous êtes un peu abstrait*. Иногда надобно два раза читать, чтоб понять, а когда поймешь, то мысль по нутру.

Прощай, любезный друг, целую тебя в курносый твой нос.

Скажи добрейшей княгине, что я теперь счастлив в любви, как и в дружбе. У меня появился маленький друг и большой друг, то есть маленькое сито и большое сито, через которые я просеиваю. Это не мой каламбур, а Робера Гискара, или Робера химика, или Робера храброго, или Робера горбатого7.

** Слова, заключенные в эвездочки, написаны по-французски.

^{*} Из желания лучше выразиться, ты впадаешь в абстракцию (франц.).

 $\langle Рукой Е. H. Орловой: \rangle$

Я послада Д. Давыдову наш пробный слепок с медалей.

В архиве Вяземских сохранились еще письма М. Ф. и Е. Н. Орловых к В. Ф. Вяземской, характеризующие их литературные интересы. Приводим из них выдержки:

 $\langle P$ укой E.~H.~Oрловой: \rangle

<Милятино.> 9 февраля 1827 г.

«... Читали ли Вы в "Сыне отечества", кажется, очень оригинальное произведение, названное драматической поэмой— "Ижорский" <В. К. Кюхельбекера»? Прошу извинить меня, если я иного мнения, чем Вы, но я нахожу это чудесным. Что говорит Ваш муж? Я бы охотно взяла его своим оракулом в литературе. Русская несня напоминает мне Дельвига, не он ли автор этих стихов?

Посылаю Вашему мужу медаль Байрона, чтобы утешить его за то, что его медаль

все еще у Михаила...».

 $\langle P$ укой M. Ф. Oрлова:angle

«... Я задерживаю Байрона в медали до тех пор, пока не найду средства инкрустировать его поэтико-хромую фигуру в хрустале столь же чистом, как глубина

Сцена "Ижорского" прекрасна. Это самое замечательное из всего, что я читал за долгое время. Это покойный г-н Шекспир соблаговолил вдохновить поэта, кто бы он ни был, и если всё остальное будет соответствовать этой сцене, это будет произведение, достойное быть поставленным рядом со "Сном в летнюю ночь" и с "Бурей"...».

(Не издано. Подлинник на франц. яз. — ЦГЛА, ф. № 195, ед. хр. 3402, лл. 1—2).

 $\langle Рукой E. H. Орловой: \rangle$

<Милятино.> 12 июня <1827 г.>

«... Посылаю вам Байронов и Тальма; вскоре у нас будут более совершенные, которые мы разделим...».

<Рукой М. Ф. Орлова:>

«Посылаю вам двух Байронов и двух Тальма. Один из Байронов и один из

Тальма — для Пушкина. Другой для вас <...>

Прошу Вас передать тому, кто из всех людей Вам наиболее напоминает Байрона, почтительнейшее уважение человека, который хотел бы для увеличения своей мошны делать стекла столь же чистые, как его стихи *.

Хорошо сказано?

Михаил Орлов

Как могли напечатать в "Телеграфе" статьи по химии без моего позволения?..» (Не издано. Подлинник на франц. яз.— ЦГЛА, ф. № 195, ед. хр. 3402, лл. 3—4).

¹ Панин — вероятно, Виктор Никитич (1801—1874), в это время дипломат,

впоследствии министр юстиции.

² В имении Орлова — Милятино — был фарфорово-хрустальный завод. Вследствие конкуренции и неумения вести хозяйственные и торговые дела Орлов понес из-за завода большие убытки. Он постоянно нуждался в деньгах. После смерти Орлова за ним числился долг в 1 200 000 руб. (Гос. Литературный музей, ф. М. Ф. Орлова. шифр 21012 / 124, л. 1 об.).

³ Речь идет о первом номере «Московского телеграфа» за 1827 г. «Письмо из Дрездена» — извлечение из письма А. И. Тургенева из Дрездена от 11/26 <!> декабря 1826 г., посвященное европейским книжным новинкам, напечатано с примечаниями Вяземского. — «Московский телеграф», 1827, № 1, стр. 90—98; № 2, стр. 162—165; за подписью Э. А., то есть Эолова арфа — арзамасское прозвище Турге-

нева.

4 Орлов имеет в виду перевод статьи Ж.-Б. Сэя «Сущность политической эконо
"Московский телеграф». 1827. № 1, стр. 33—57;

№ 2, стр. 101—121.

⁵ В библиографическом отделе «Московского телеграфа», 1827, № 1, напечатана анонимная рецензия на три книги по географии — Г. Пятунина, В. Запольского и И. Гейма (стр. 80—88).

6 «Рассуждения о словах» — статья Вяземского «О злоупотреблении слов».—

«Московский телеграф», 1827, № 1, стр. 6—23.

Смысл каламбура не удалось установить. — Робер Гискар (ок. 1015—1085)— один из норманских авантюристов, основавших неаполитанское королевство.

^{*} Каламбур, основанный на созвучии слов: стёкла (verres) и стихи (vers) (франц.). $-Pe\partial$.

Сего 6-го июня 1827. Милятино

Любезный друг, давно я к тебе не писал и мои письма так малозначущи, что ты о них, вероятно, не очень горюешь. А у меня не только рука не шевелится охотно, но и язык весьма сделался ленивым. Иногда по целым дням не соберусь мысль одну выразить, и так не удивляйся, что и при сей верной оказии мое письмо едва будет значительнее обыкновенных.

Не могу, однако же, не написать несколько слов о «Телеграфе», ибо я знаю, что ты в нем берешь большое участие. При первом взгляде можно увидеть отличительную черту сего журнала от всех прочих, кои печатаются в России. Сии последние суть средства для набивания кармана, а «Телеграф» один имеет цель развития просвещения. Благонамеренность оного во всякой строке оного видна и весьма заметно, что «Телеграф» не есть просто spéculation littéraire*, как прочие». Но ежели сие удовлетворительно для сердца, надобно еще, чтоб и разум находил вдоволь

пищу вместе приятную и полезную.

С этой стороны «Телеграф» не столь удовлетворителен, хотя и более прочих. Во-первых, должно совершенно отстать от браней и колких возражений. Сделав особенное отделение для журналистики, вы сделали большую ошибку, ибо поставили себя в некоторую необходимость ругаться со всеми. Конечно, сия статья часто весьма забавна и привлекает читателей par le scandale**; но и у вас есть много несправедливостей. Например: вы враги «Северной пчелы», а приятели «Инвалиду», не по достоинству сих журналов, но единственно по положению и отношениям вашим с редакторами. Однако ж должно признаться, что в «Северной пчеле» известия приходят скоро и несколько портретов нравов очень удачно отделаны, как Зозо¹ и другие; а в «Инвалиде» первые сочинения это сочинения И. И. Дибича², ибо кроме приказов нечегочитать. Сверх того, Воейков, будучи в состоянии сделать гораздо лучше, не хочет трудиться и переносит все хорошие статьи в «Славянин», так что часто в «Инвалиде» вопрос, а в «Славянине» ответ, что и доказывает ясно его цель, стремящуюся единственно к принуждению читателей покупать оба журнала для получения целого³. Таковой торговый оборот едва ли согласен с совестью. Против оного, однако же, никто не восстает и вы продолжаете браниться с «Пчелой» и дружиться с хромым «Инвалидом».

С другой стороны, периодическая обязанность ругаться с «Пчелой» завлекает вас в изыскания не только дурных толков, пустых сплетней, бессмысленных, слабых или неверных выражений, но делает, что каждая опечатка для вас клад. Из сего выходит часто разбор мелкий и недостой-

ный вашей благонамеренности.

Д. Р. К. заставил меня хохотать и очень много и очень от сердца. Приискано хорошо, и Д. Р. К. одурачен совершенно; но я признаюсь, что такового рода шутку я бы не снес без нетерпения и ежели б вы не имели дело с «Пчелой» без жала, то я бы побес(по)коился о тебе⁴.

Хочешь ли пример полезного из «Телеграфа»? Я много найду, но в особенности укажу на разбор юридических сочинений. Вот статья полезная и хорошо соображенная ⁵. Таким образом должно и другие обрабатывать

но придираться к словам тебе совсем не годится.

Еще скажу, что в «Телеграфе» заметно весьма пристрастие не только к романтической литературе, которая, конечно, имеет свое обширное достопнство, но и к романтической туманной философии, к романтическим туманным исследованиям древностей. Поверь, что из числа всех твоих читателей нет десятерых, которые бы прочитали и поняли статью о мифо-

** скандальностью (франц.).

^{*} литературное предпринимательство (франц.).

логии северных народов⁶. Это слишком замысловато, не только для России, но для Франции и для Англии; одни только немцы могут дышать в сей атмосфере туманной и отвлеченной, ибо для них одних замысловатость есть гений и предположение-истина. Мы слишком глупы, французы слишком умны, а англичане слишком положительны, чтоб в таковом чтении найти какую-либо прелесть (charme). Надобно, по моему мнению, стараться заменить таковые статьи другими, более положительными и приспособленными к детскому состоянию народного нашего просвещения. Для сего литература Франции (ne vous en déplaise*) более годна нам, чем немецкая.

Вот мои замечания на «Телеграф». Ежели б я был в Москве, ежели б я был свободен жить, где хочу, ежели б не обращали на меня особенного надзора, и я бы сделался твоим сотрудником и я бы счастлив был, ежели б видел хоть один порядочный журнал в отечестве. Постарайся исправить «Телеграф» и придать ему еще несколько более полезности, и я предвещаю, что никто из читающих не будет жить без «Телеграфа». Как ты Пушкина отдал на сожрание Погодину и не причел его к твоим сотрудникам?

Le combat d'Argant et de Tancrède a beaucoup de bon et les vers à Zé-

nèide sont charmants***.

Целую чистенькие ручки княгини и твои чернилом замаранные лапы.

Михаил Орлов

¹ Зозо — персонаж морально-нравоучительной статьи Булгарина «Нравы. Рецепт, как разориться из приличия», высмеивавшей великосветских денди («Северная пчела», 1827, №№ 31—32).

² Орлов, очевидно, имеет в виду военные приказы, заполнявшие газету «Русский

з А. Ф. Воейков одновременно редактировал газету «Русский инвалид» (1822—

1838) и журнал «Славянин» (1827—1830).

⁴ Речь идет о заметке Вяземского «Журналистика», напечатанной в «Московском телеграфе», 1827, № 3 (за подписью: Журнальный сыщик). В ней были такие строки: «Не знаем, правда ли, но нам сказывали, что подписные буквы под письмами на Кав-каз: Д. Р. К., не заглавные трех прозваний, как бы то казалось с первого взгляда, а просто три согласные буквы одного названия» (дурак) (стр. 126).
Инициалами «Д. Р. К.» подписывался Н. И. Греч в критических заметках, направленных главным образом против «Московского телеграфа».

5 Критический разбор девяти русских юридических сочинений, написанный Н. А. Полевым.— «Московский телеграф», 1827, № 4, стр. 309—325; № 5, стр. 62— 84 (за подписью: Н. П.).

6 Орлов имеет в виду перевод исследования Ф.-И. Моне «Историческое обозрение мифологии северных народов Европы». — «Московский телеграф», 1827, № 7,

стр. 167—190; № 8, стр. 251—278; № 9, стр. 25—34.

7 Пушкин был постоянным сотрудником «Московского вестника», издававшегося

М. П. Погодиным с января 1827 г.

⁸ «Единоборство Арганта с Танкредом» (из шестой песни «Освобожденного Иерусалима») Тассо в переводе С. Е. Раича и стихотворение Пушкина «Княгине З. А. Волконской» были напечатаны в «Московском вестнике», 1827, № 10 (май).

14

Милятино. Сего 18 февраля 1828

Любезный друг, у меня дом переделывают и все книги в ящиках. Я буду разбирать библиотеку не прежде двух недель и тогда не забуду прислать «Мельмота»¹. Поздравляю тебя с свадьбою Карамзиной Катерины Михайловны². Мать ее ³ должна быть весьма рада, а все, что веселит и радует почтенных людей, мне знакомых, радует и веселит меня.

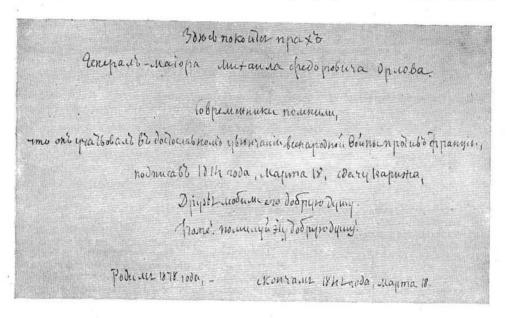
^{*} не обижайтесь (франц.).

^{**} В единоборстве Арганта с Танкредом много хорошего, а стихи Зинаиде прелестны (франц.).

Поздравляю также тебя с первым нумером «Телеграфа», в нем есть опыт романа вроде W. Scott*, и мне подражание показалось весьма удачно 4. Что же касается до «Гайдамака» 5, то не столько понравился. Мало живости и все автор на сцене.

В моем положении никакой перемены нет, кроме того, что я с женою расстался на 5-ть месяцев, что меня довольно огорчило. Свидание мое с братом по всем прочим сторонам меня совершенно успокоило. Я с ним

виделся в Твери, куда ездил на несколько часов⁶. Как хорош «Граф Нулин»! ⁷ Только жаль, что по вступлению я думал, что жена — старуха, и после только увидел, что она молода и хороша

ЭПИТАФИЯ М. Ф. ОРЛОВУ. НАПИСАНА РУКОЮ П. Я. ЧААДАЕВА, 1842 г. В дате рождения Орлова описка — нужно: «1788» Литературный музей, Москва

собою. Молодые женщины нашего времени и в деревне не встают с постеле,

когда мужья их едут на охоту, с восходом солнца.

Мы можем, если хочешь, снова начать нашу переписку, попрежнему и судить и рядить литературные дела. Что делает твоя супруга? Каково она переносит свое произвольное изгнание из столицы? Я к ней скоро буду писать и приберегу все старые мои шутки, которые, по милости ее, у ней одной еще в моде.

Прощай, любезный друг, я тебя душевно люблю и в глаза и за глаза.

Люби меня и не забывай.

Твой друг Михаил Орлов

¹ «Мельмот» — роман «Мельмот-скиталец» (1820) ирландского писателя Шарля Роберта Матюрена (1782—1824).
18 марта 1828 г. Орлов писал В. Ф. Вяземской:
«...Я наконец нашел том "Мельмота". Посылаю его Вам. Это чудо, что мне удалось

его поймать, и возможно, что это объясняется его дьявольской природой.

Как Вы находите этот шедевр по таланту и по дерзости? Ему не достает только оказаться Гёте, чтобы заставить всю Германию поверить в привидения и всерьез. Это —

^{*} В. Скотта (англ.).

эпиграммка против литературных мнений Вашего мужа. Вы можете передать ее ему под Вашим именем...» (Не издано. Подлинник на франц. яз.— ЦГЛА, ф. № 195, ед. хр. 3402, л. 6 об.).

² У Орлова описка. Речь идет о Екатерине Николаевне Карамзиной

(1805—1867) — дочери Н. М. Карамзина, вышедшей 27 апреля 1828 г. за П. И. Ме-

шерского.

³ Екатерина Андреевна Карамзина (1780—1851) — вдова историографа,

сестра Вяземского по отцу.

⁴ В «Московском телеграфе», 1828, № 1—3 (январь—февраль) печатался исторический роман Н. А. Полевого «Симеон Кирдяпа» (за подписью: Н. П.). Вероятно. именно это произведение Орлов назвал «опытом романа вроде W. Scott».

5 «Гайдамак. Малороссийская быль» О. М. Сомова, напечатанная в «Невском альманахе на 1827 год» (стр. 242—286; за подписью: Порфирий Байский).

Вяземский одобрительно отозвался о ней в рецензии на «Невский альманах» («Московский телеграф», 1827, № 3, стр. 249—250; за подписью: Ас. Б.).

в 2 октября 1827 г. Орлов уведомил начальника Главного штаба Дибича, что ему по хозяйственным делам необходимо съездить к своему тестю Н. Н. Раевскому в его имение Болтышку Киевской губ. Разрешение было дано, но одновременно последовало предписание киевскому генерал-губернатору, «дабы за генерал-майором Орловым учрежден был там секретный надзор» (ЦГИА, ф. III Отд., 1 эксп., д. 61, ч. 177, л. 12).

Пока Орлов был в Болтышке, на него поступил донос от Витта. Витт сообщал, что до него дошли известия, будто бы Орлов собирается ехать в Одессу, что во время пребывания Орлова в Болтышке туда без разрешения приезжали Фурнье и Олизар, привлекавшиеся к следствию по делу декабристов, за которыми также был учрежден секретный надзор (ЦГВИА, ф. № 36, оп. 4/847. ед. хр. 286, св. 19, лл. 23, 31—32). По распоряжению Николая I Дибич писал Н. Н. Раевскому (старшему) 23 но-

ября 1827 г.:

«Милостивый государь Николай Николаевич!

Дошло до сведения государя императора, что зять Вашего высокопревосходительства, генерал-майор Орлов, находясь в киевской Вашей деревне, располагает провести зиму в Одессе. Его императорское величество, быв уверен в образе мыслей Ваших, полагать изволит, что Вашему высокопревосходительству нельзя не согласиться, что при нынешних обстоятельствах таковое намерение г-на Орлова не может быть удобно исполнено и что в отвращение могущих встретиться по оному затруднений приличнее бы было возвратиться ему на сей раз в свои поместья.

Его величество, уважая родственную связь Вашу с г. Орловым, желает, чтобы Ваще высокопревосходительство, представив ему все неудобства сего предполагаемого путешествия, убедили его последовать Вашему, ко благу его клонящемуся совету. Причем его величество остается уверенным, что генерал-майор Орлов, по объявлении ему о сем, не замедлит через неделю же возвратиться в свои поместья попрежнему» (Гос. Литературный музей, ф. М. Ф. Орлова, шифр 21012/320; ЦГВИА, ф. № 36, оп. 4/847, ед. хр. 268, св. 19, л. 29).
В ночь с 4 на 5 декабря 1827 г. Орлов был вынужден уехать из Болтышки, указав

точно путь своего следования (ЦГВИА, там же, л. 36). Естественно, что все эти события очень взволновали Орлова. Вероятно, он написал своему брату Алексею, что хочет с ним увидеться. Для встречи братьев потребовалось специальное разрешение паря (ЦГИА, ф. III Отд., 1 эксп., д. 61, ч. 177, л. 15).

7 «Граф Нулин» был напечатан в альманахе «Северные цветы» на

1828 г. — Строки из письма Орлова, посвященные «Графу Нулину», впервые опубли-

кованы в «Лит. наследстве», т. 58, 1952, стр. 67.

15

Милятино. Сего 23 сентября 1828

Наконец, любезный друг, ты возвратился в Москву. Мы получили недавно письмо от твоей супруги, которая нас извещает об этом.

Твое письмо, писанное из Saratovie Petrie où vous vous êtes empêtré*, заставило нас хохотать1. Я не мог не вспомнить тех счастливых времен, когда я также пользовался беседою и пудовыми анекдотами кубического Π (етраangle Λ (ндреевичаangle. Только от тебя ожидал не одной шутки, а целой Петрияды². Вот истинно романтический предмет. Чини перо и пиши.

^{*} из Саратова (игра слов), где вы застряли (франц.)

У меня на столе десяток разных сочинений, начатых и не окончивающихся. Я их перебираю и перечитываю часто, а как дело придет до писанья, то лень превозмогает и дело остается на будущее время. Тут соединены исторические, драматические, литературные предметы с науками и с экономией политическою³. Чем более на себя смотрю, тем более удостоверяюсь, что моя голова есть не что иное как беспорядочная библиотека. Между прочими не хочешь ли занять у меня и обделать романтическую комедию. Вот в чем дело состоит. Ее можно, как ты хочешь, сделать карикатурною, политическою, живописною (pittoresque) драмою, в три, четыре, шесть, десять актов,— обнимающею всю вселенную или часть оной.

1-й акт — в Париже — выбирай, что хочешь и какое хочешь общество.

2-й акт — в Лондоне — то же.

3-й акт — в России — то же.

4, 5, 6, 7, 8 и пр. — в Вене, в Гётингене, в Америке и пр.

Акт последний. Все это едет и сбирается в Карлсбад или Спа. Тут

начинается кутерьма. Тут же и развязка.

Вот тебе канева на сцены драматические, современные. Если попадется на счастливую минуту, то может выйти довольно забавно. Выгода та, что можно писать целым обществом, отчего не только само сочинение, но и образ сочинения будет романтическим. Шутки в сторону. Тут, конечно, не будет единства мыслей, но зато премилая и преприятная разнообразность.

Что твоя revue trimestrielle?*4 Иябы тут пустился наудачу. Запиши,

пожалуй.

Да неужели нам с тобою долго еще не видаться? Теперь, кажется, можно разрешить.

Целую тебя от всего сердца.

Михаил Орлов

Жена бьет челом твоему курносому сиятельству. Тут же и письмо

твоей супруге. Тут же и узоры для нее.

Нет добра без зла. Ты писал из Saratovie Petrie, и мы хохотали. А вот это меня с ума свело: куда писать к твоей жене — в Пензу или в Саратов? Моя жена-хлопотунья спорит до слез, что в Симбирск. Выведи из недоумения и дай адрес твоей жены-хохотуньи.

¹ Письма П. А. и В. Ф. Вяземских к Орловым не дошли до нас.

² «Петрида»— поэма А. Д. Кантемира, начатая и не законченная им.

³ Орлов, очевидно, уже в это время начал работать над книгой «О государственном кредите», изданной анонимно в 1833 г. в Москве.

4 Этот замысел Вяземского не известен.

16

Милятино. Сего 28 марта 1829

Полагаю, любезный друг, что ты также обретаеться в Саратовии Петреевне, куда очень редко *не вороны*, а умные люди заносят свои кости — туда и питу, ибо ежели твоя супруга, по свойственному дамам любонытству, раскроет и прочитает сие письмо, то беда будет невелика. Она на седьмой строке узнает, что я люблю ее и тебя от всего сердца и, вероятно, так вас буду любить до конца жизни, разве прежде смерти сойду с ума.

Как бы мне хотелось видеться с тобою! Как бы желал, хотя несколько часов, побеседовать с Асмодеем и показать ему, что гонения судьбы не

^{*} трехмесячное обозрение (франд.).

выбили ни мыслей из головы, ниже чувств из сердца. В этом свидании освежилась бы старинная наша дружба, тем более для меня священная, что мы сделались друзьями и друзьями не величались на словах. По неверности сообщений я на одно из твоих писем не отвечал. Что сказать? Когда я не знаю, чем это все кончилось? Да и как говорить за тридевять земель? Когда увидимся, то язык мой развяжется, и ты услышишь все, что

я думаю и чувствую.

Мое житье-бытье все прежнее. Единообразие оного никак не изменяется. От 11-ти часов вечера до 3 и 4-х часов ночи я учусь, пишу и читаю. За дверью живет батюшка ^ї и часто, когда я гашу свечу, он свою зажигает. Встаю в 10 часов и баландаюсь до 12-ти. От 12-ти до 3-х брожу по фабрике 2, надзираю за работою, выдумываю и хлопочу, потом обедаю с хорошим аппетитом. После делаю тьму дурных шуток и фамильных поговорок, читаю вслух Theodore le Clerc (?) з или что-либо другое, а потом все мы расходимся. Сын 4 мой парень хоть куда. Он ветрен, но в нем, надеюсь, будет прок, если до прока судьба его допустит. Дочь моя очень мила, и счастлив ты, площадной волокита, что ее не видал, а то бы она тебе голову свернула. Представь себе курносую фигуру, совершенно тебе подобную, и ты поймешь, как можно в нее влюбиться. Одних очков недостает. да не только фигурою, но и качествами ума и привычками на тебя походит. Или танцует, или марает бумагу... других занятий нет.

Благодарю тебя за то, что рекомендовал мне «Галатею» 6. Ну уж «Галатея»! Ай да «Галатея»! То-то «Галатея»! Ай да пастушка! И я воображал, что Раич умный человек! Сражение Арганта и Танкреда ⁷ меня несколько увлекло, но «Галатея» разуверила. Одна страница «Телеграфа» лучше всего издания «Галатеи», хотя и «Телеграф» с некоторых пор несколько сшибся с дороги. Но все он остался журналом дельным (estimable),

а «Галатея» хочет быть забавным и то втуне.

У нас еще проявилась «Бабочка» в, которая на место того, чтоб летать, как червяк ползает. Но, однако же, все имеет преимущество над «Гала-

теею»... Бумага удивительно мягка!..

Прощай, любезный друг, целую тебя от всего сердца и желаю, чтобы как-нибудь судьба свела нас вместе не на час, не на два, но на год и более. То-то бы поболтал вдоволь.

Твой друг Михаил

¹ Батю шка — Николай Николаевич Раевский (старший), гостивший в это время у дочери в Милятине.

² Фабрика — хрустальный завод Орлова. См. о нем прим. 2 к письму № 12.

³ Не удалось установить, о каком романе идет речь.
⁴ Сын — Николай Михайлович Орлов (1822—1886).
⁵ Дочь — Анна Михайловна Орлова, в замужестве Яшвиль (1826—1887).

6 «Галатея» — литературный журнал, издававшийся в Москве в 1829—1830 гг. С. Е. Раичем. Во вступительной статье издатель, характеризуя свой журнал, писал: «Галатея — бабочка, как дать ей направление?» («Галатея», 1829, № 1, стр. 2).

7 О «Сражении Арганта и Танкреда» см. письмо № 13 и прим. 8 к нему. 8 «Бабочка» — газета, выходившая в Петербурге с 1 января 1829 г. по 1831 г.